Annotation

Конан пробирается в Алкмеон, древнюю столицу королевства Кешан, чтобы выкрасть сокровища, известные как «Зубы Гвалура»...

- Роберт Говард
-

Роберт Говард

Сокровища Гвалура

(Конан)

Конан закончил карьеру морского разбойника в одном из портов на побережье Куша. Направившись на юг страны, он неожиданно стал военным вождем жившего в джунглях негритянского племени. Однако жизнь в джунглях была не по душе Конану, и он направился в Мероэ, где правила королева Танаде. Варвар спас жизнь королевы и получил место начальника. Королева в Мероэ заставила киммерийца покинуть город и отправиться навстречу новым приключениям.

1. Дворцовые интриги

Скалы, словно вставшие на дыбы каменные звери, круто уходили из джунглей прямо к небу, переливаясь в лучах восходящего солнца зелено-голубым и темно-красным; слегка изрезанная линия гор, изгибаясь, простиралась на восток и на запад, пока не терялась из виду, и об это побережье разбивались волны зеленого океана листвы. Гряда казалась неприступной - гигантский частокол отвесных, монолитных скал с редкими кварцевыми вкраплениями, ослепительно сверкавшими на солнце. Но человек, упорно прокладывавший путь наверх, одолел уже половину подъема.

Выходец из племени горцев, необычайно сильный и ловкий, он без особого труда взбирался на любую кручу. Из одежды на нем были лишь короткие, свободные штаны, сандалии, чтобы не мешали подъему, связанные вместе болтались за спиной, уда же были заброшены кинжал и меч.

Гибкий как пантера, он вместе с тем обладал мощным сложением; бронзовая от загара кожа и грубо подрезанная черная грива, схваченная у висков серебряной лентой, дополняли общую картину. Его железные мускулы, острый взгляд и оточенные движения как нельзя лучше соответствовали поставленной задаче, ибо это была проверка на

высочайшую степень выносливости и мастерства скалолазания. В ста пятидесяти футах над ним колыхались волны джунглей. Примерно столько же оставалось до края скалы, очерченного утренним голубеющим небом.

В выверенных движениях чувствовалась некоторая спешка, словно человек был ограничен во времени; и несмотря на это, ему приходилось двигаться со скоростью черепахи, поминутно замирая и всем телом прижимаясь к скале. Жадно ищущие пальцы рук и ног находили крохотные ниши и выступы, в лучшем случае - какую-нибудь покатую опору в полступни, и ему уже не раз случалось висеть над пропастью на кончиках пальцев. И все-таки, цепляясь за каждую неровность, извиваясь змеей, огибая выступы, человек упрямо отвоевывал у скалы фут за футом. Время о времени он останавливался, чтобы дать отдых ноющим мускулам и вытряхнуть из глаз капли пота; тогда, повернув голову, он пристально вглядывался в расстилающиеся под ним джунгли, методично прочесывая зеленый покров в поисках признаков присутствия человека.

Конец пути был уже близок, как вдруг в нескольких футах над головой он заметил в крутой скале расселину. Еще несколько усилий - и он оказался совсем рядом. Это была небольшая пещера сразу под срезом обрыва. И только его голова поднялась над краем основания, как человек удивленно хмыкнул. Пещера была такой крошечной, что скорее походила на большую, высеченную в камне нишу, но несмотря на малые размеры, она не пустовала. В ней сидела высохшая коричневая мумия со скрещенными ногами - руки сложены на груди, сморщенная голова опущена. Чтобы конечности не разогнулись, их привязали к телу ремнями из сыромятной кожи, давно уже сгнившими. Если тело когда-то и имело одежду, то безжалостное время задолго до того обратило ее в пыль. Но там - засунутый между скрещенными руками и впалой грудью - виднелся свиток пергамента, за бесконечные годы пожелтевший до цвета старой слоновой кости.

Человек протянул руку и, осторожно покручивая, достал свиток. Не разглядывая находку, он сунул ее в поясной карман и стал быстро подниматься, пока не выпрямился в проеме ниши во весь огромный рост. Подпрыгнув, он ухватился цепкими пальцами за скальный выступ и, подтянувшись, перекинул тело через край пропасти.

Шагнув вперед, человек остановился тяжело дыша, окидывая взглядом открывшуюся панораму.

Под ним словно раскинулась огромная чаша с краями из обхватившей лес каменной стены. Дно чаши покрывали деревья и гутой, непроницаемый подлесок, однако этот лес не был таким густым, как джунгли с наружной

стороны гряды. Скалы одинаковой высоты окружали его плотным кольцом. Это был каприз природы, возможно, единственный в своем роде: величественный, естественного происхождения амфитеатр, часть лесистой равнины трех-четырех миль в диаметре, заключенная в кольцо неприступных скал и совершенно отрезанная от остального мира.

Но человек на гребне скалы не стал восторгаться уникальным топографическим явлением. Жадным взором он обшаривал вершины деревьев и вдруг резко вдохнул воздух, среди сплошного зеленого покрова поблескивали мраморные купола. В этом не было ничего сверхъественного, ибо под ним лежал легендарный дворец покинутого людьми города Алкемон.

Конан-киммериец, бродяга, оставивший след и у Барахских островов и на Черном побережье - везде, где жизнь приправлена смертельным риском, - пришел в Кушан, влекомый тайной надеждой заполучить сокровища, своим блеском затмевавшим богатства королей Турана.

Кешан, королевство варваров, расположилось дальше на восток от Куша, где обширные пастбища постепенно переходят в леса, подступающей к стране с юга. Высокомерная смуглокожая знать держала в повиновении прочее население, в большинстве своем состоящее из чистокровных негров. Сами властители - князьки и верховные жрецы - считали себя прямыми потомками белокожих кланов, которые, согласно преданию, в далеком прошлом правили в этих местах страной со столицей в Алкменоне. Разные сказания по-разному объясняли внезапный упадок государства и окончательный уход из города немногих оставшихся в живых жителей. Не меньшим туманом была покрыта тайна "Зубов Гвалура" - сокровищ, захороненных где-то в Алкменоне. Но даже такой легенды - расплывчатой и потому малоубедительной - хватило, чтобы Конан - через обширные равнины, испещренные потоками джунглей и горные хребты - пробрался в королевство чернокожих.

В конце концов, преодолев все тяготы пути, он отыскал Кешан, который сам по себе в странах на севере и западе считался полумифом, и здесь многочисленные слухи подтвердили его догадки насчет сокровищ, называемых аборигенами "Зубы Гвалура". Но место, где они были спрятаны, оставалось загадкой, к тому же требовалось как-то объяснить причину своего появления: дело в том, что здешние власти косо смотрели на бродяг-чужестранцев.

Но это его не смутило. Со сдержанным достоинством он предложил свои услуги напыщенной, разряженной и подозрительной знати двора, отличавшегося варварски-пышной безвкусицей. Он - воин, и его

предназначение - сражаться. Он прибыл в Кешан в поисках работы. За хорошую плату он мог бы обучить их войско искусству боя, чтобы потом повести его на Пунт - их злейшего врага, который, как он слышал, одержал недавно ряд славных побед, чем вызвал ярость невыдержанного короля Кешана.

Прозвучавшее из уст киммерийца предложение на самом деле не было столь наглым, как могло бы показаться на первый взгляд. Молва о Конане, повсюду опережавшая его, докатилась и до далекого Кешана: дерзкие набеги черных корсаров, этих безжалостных волков с южного побережья, прославили имя их предводителя - им восхищались, его боялись и мечтали заполучить в союзники во всех черных королевствах. Киммериец не отказался пройти некоторые испытания, придуманные смуглокожими лордами. Стычки вдоль всей границы происходили постоянно, так что возможностей показать себя в рукопашном бою было предостаточно. Его неукротимая ярость, помноженная на репутацию главаря, произвела должное впечатление, и казалось, перспективы намечались самые благоприятные. Все, чего втайне желал Конан, он получил: теперь, когда у него есть работа, он может открыто жить в Кешане до тех пор, пока не разузнает про место, где лежат сокровища Гвалура. И вдруг возникло непредвиденное затруднение. Оно явилось в образе Татмекри, прибывшего в Кешан из Зембабве во главе посольства.

Татмекри был стигийцем. Бродяга и искатель приключений, он благодаря смышленному уму добился расположения двух принцев-близнецов, правивших за сотню миль к востоку обширным королевством, народ которого составляли потомственные торговцы. Оба воина были знакомы еще с незапамятных времен, но относились друг к другу с холодком. Татмекри приехал к королю Кешана с аналогичным предложением: совместными усилиями покончить с Пунтом, чей король за месяц до того изгнал из своей страны всех зембабвейских купцов да еще сжег в придачу несколько пограничных крепостей своих соседей.

Возможная выгода от такого союза перевесила даже военную славу Конана. Он, Татмекри, клятвенно обещает, что уже в самое ближайшее время под его началом будет войско из черных копейщиков, шемитских лучников и вооруженных мечами наемников. С этими силами он вторгнется в Пунт с востока и поможет королю Кешана присоединиться к своим владениям земли ненавистного соседа. А за свои услуги бессеребренники-зембабвейцы надеются получить самую малость: всего-то монопольное право на торговлю в Кешане и в его страннах-данниках, да еще, как залог добрых отношений, несколько "Зубов Гвалура". О, пусть высокочтимые

князья не беспокоятся - никто и не думает пускать их в оборот. Их отнесут в главных храм Зембабве и вместе со священными реликвиями королевства положат в раку рядом с сидящими на корточках золотыми идолами Дагоном и Деркето, чтобы тем самым скрепить договор о вечной дружбе между Кешаном и Зембабве. При последних словах сжатые губы варвара скривились в жесткой усмешке.

Киммериец даже не пытался тягаться с Татмекри и его помощником - шемитом Зархебой - по части дворцовых интрижек. Варвар прекрасно понимал, что если стигиец добьется заключения договора, - а дело к тому и шло, - то первым делом будет наставать на высылке своего недруга. А потому для Конана оставался один путь: прежде чем король решится на сделку, найти эти "зубы" и с ними покинуть страну. Единственное, что он знал наверняка, это то, что в Кешии драгоценностей нет и никогда не было: столица государства, представлявшая собой скопление тростниковых хижин, обнесенных глиняной стеной, с дворцом из глины, камня и бамбука в центре, меньше всего походила на место, где покоятся величайшие сокровища мира.

Пока варвар в нетерпении раздувал ноздри, вперед выступил верховный жрец Горулга и заявил, что прежде чем принять окончательное решение относительно союза с Зимбабве, необходимо получить на то благословение богов, ибо по договору в залог дружбы должны быть переданы святыни, вот уже тысячелетие не оскверненные ни взглядом, ни руками смертного. В общем, необходимо обратиться к прорицательнице Алкменона.

Его заявление напустило на всех страху, и языки - как во дворце, так и тростниковых ульях - заработали с небывалой силой. За последнее столетие ни один жрец не навещал мертвый город. Шептались, что прорицательница - это сама принцесса Елайя, последняя правительница города, внезапно умершая в расцвете молодости, красоты и сил, и что ее тело, каким-то чудесный образом неподвластное разрушительному воздействию времени, вот уже века как покоится во дворце.

В былые времена жрецы довольно часто ходили в город, и прорицательница, приоткрывая перед ними завесу непознанного, давала вкусить плодов истины. Только верховный жрец, что был там в последний раз, оказался нечист на руку: он замыслил недоброе - украсть прекрасные, искусно ограненные камни, известные как "Зубы Гвалура". Но в пустынном дворце его настиг злой рок. Бежавшие с заколдованного места младшие служители богов, с трудом придя в себя, порассказали такие ужасы, что надолго отпугнули жрецов и от города и от прорицательницы.

Однако Горулга как верховный жрец и как человек, уверенный в чистоте своих помыслов, объявил во всеуслышание, что готов с горсткой храбрецов возродить древний обычай предков. И новь отовсюду понеслось жужжание, и вместе с роем бестолковых слухов до ушей Конана наконец-то долетели слова, за которыми он охотился долгие недели. Ему удалось подслушать как перешептывались мрачные жрецы, в результате чего ночью накануне исторического паломничества он, никем не замеченный, выскользнул и города.

Всю ночь, весь следующий день и следующую ночь он погонял коня, пока рано на рассвете не приблизился к скалам, скрывавшим Алкменон. Конан находился у юго-западной границы королевства, среди диких джунглей, где аборигенам од страхом смерти запрещено было селиться. Никто, кроме жрецов, не смел приблизиться к загадочной долине на расстояние меньше десяти миль. И ни один жрец а последние сто лет не входил в Алкменон.

Молва утверждала, что для простых смертных эти скалы неприступны и что только жрецы знают тайный ход в долину. Конан решил не тратить время на поиски. Кручи, перед которыми в благоговейном страхе замирали эти чернокожие - всадники, обитатели прерий и равнинных лесов, - не моги остановить человека, рожденного среди суровых гор Киммерии.

…Так он стоял на гребне скалы, глядя вниз на округлую долину и размышляя над тем, какая чума, война или сверхъестественная сила заставила древний белокожий народ покинуть свою цитадель, слиться с живущими вокруг черными племенами, чтобы в конце концов раствориться в них без остатка.

Итак, здесь они жили. В самой долине был выстроен только дворец для королевской семьи, двора и челяди. Город же находился снаружи, и зеленый океан джунглей надежно спрятал его руины. Но купола королевского дворца Алкенона, что поблескивали внизу среди листвы, словно бросая вызов времени, гордо взметнули в высоту венчавшие их остроконечные башенки.

Отыскав ногой первую опору, Конан начал быстро спускаться. Внутренняя стена была изрезана сильнее и не так отвесна, как наружная. Затратив вдвое меньше времени, чем на подъем, он наконец спрыгнул на густой травяной покров.

Сжав рукоять меча, киммериец настороженно огляделся. Конечно, не было причины подвергать сомнению слова жрецов о том, что Алкенон - город заброшенный, сейчас населенный одними лишь привидениями ушедших в небытие предков. Но подозрительность и неусыпная

бдительность составляли неотъемлемую часть природы варвара. Вокруг царил первозданный покой: не шелохнулся ни один листочек, ни один звук не нарушил тишину. Присев, он впился взглядом в подлесок - ничего, только правильные ряды стволов, уходящие в голубоватый сумрак.

Тем не менее варвар не потерял осторожность: сжимая обнаженный меч, он продвигался медленно, пружинящей походкой - без единого шороха, пристально вглядываясь в тени по сторонам. Повсюду ему попадались следы древней цивилизации: мраморные фонтаны, давно умолкшие, полуразрушенные, стояли в окружении стройных деревьев, в расположении которых угадывалась симметрия - слишком явная, чтобы отнести ее на счет природы. Дикий лес и кустарник энергично вторглись в тщательно спланированную рощицу, но ее контуры все еще были различимы. Вдаль убегали широкие мощеные дорожки, меж плит которых густо проросла трава. Сквозь зелень проглядывали стены с узорчатыми гребнями и изящные, высеченные из камня решетки, похоже, в свое время ограждавшие увеселительные павильоны.

Но вот впереди среди деревьев замерцали купола, и с каждым шагом все отчетливее стало проступать массивное сооружение, служившее им опорой. Наконец, продравшись сквозь плетение дикой лозы, он вышел на сравнительно гладкую площадку с одиноко растущими деревьями. Здесь не было заслоняющего перспективу подлеска, и в сотне ярдов от себя киммериец увидел ряды колонн дворцового портика.

Поднимаясь по широким мраморным ступеням, он обратил внимание на то, что это здание сохранилось гораздо лучше остальных, не таких крупных построек. Очевидно: толстые стены и колонны оказались настолько прочными, что сумели устоять перед временем и стихиями. У дворца, как и повсюду в долине, господствовал тот же чарующий покой, и в тишине кошачья поступь его обутых в сандалии ног звучала необычно громко.

Он задумался. Где-то в этом дворце находится настенная роспись или статуя, которую кешанские жрецы многие века почитают как свою богиню-прорицательницу. И где-то в этом дворце - если, конечно, излишне болтливый младший жрец не завирался - спрятаны сокровища древних королей Алкменона. Конан вошел в широкий коридор с выстроившимися вдоль стен рядами высоких колонн, промеж которых чернели пасти дверных проемов - сами двери давно сгнили. Он миновал полный сумрачного, таинственного света коридор и очутился у двустворчатой бронзовой двери - чуть приоткрытой, как, может быть, они стояла уже многие века. Через нее он попал в просторную, со сводчатым потолком

комнату - как видно, зал для торжественных приемов.

По форме это был восьмигранник. Похоже, в потолке, повторявшем округлую линию купола, строители прорезали какие-то невидимые хитроумные отверстия, так как в зале было гораздо светлее, чем в мрачноватом коридоре. У дальней стены возвышался пьедестал, на который вели широкие лазуритовые ступени, а на постаменте стоял массивный трон с узорными подлокотниками и высокой спинкой, когда-то, без сомнения, увенчанной балдахином. Конан издал утробное рычание, глаза его загорелись жадным огнем. Золотой трон Алкменона, точно перенесенный прямо из древних сказаний! Наметанным глазом он прикинул его вес - сам по себе уже огромное богатство… если конечно, придумать, как его отсюда вытащить. От блеска золота у варвара разыгралось воображение, он весь сгорал от желания поскорее добраться до скрытого в недрах дворца клада. Он представлял себе, как погрузит руку в сверкающую россыпь камней, чью красоту превозносили на рыночных площадях рассказчики Кешии, сами лишь повторявшие легенды, на протяжении веков передаваемые из уст в уста; как дрожащими пальцами будет перебирать несметные сокровища, равных которым не было и нет во всем свете: рубины и изумруды, бриллианты и кровавые гелиотропы, опалы и сапфиры - бесценная добыча, которую он вырвет из истлевших рук далеких предков.

Конан ожидал увидеть сидящую на троне статую богини, но поскольку тот был пуст, то скорее всего, думал он, она находится в другой части дворца… если такая штука вообще существует. Однако с тех пор, как он водворился в Кешане, так много мифов успели обрести реальность, что окажись вдруг перед ним сама богиня, он вряд ли удивился бы.

За торном зиял узкий сводчатый проем - наверняка в дни жизни Алкенона ту дверь скрывали драпировки. Он заглянул туда и обнаружил альков - совершенно пустой, из которого под прямым углом выходил узкий коридор. Высунув голову из проема, он огляделся и тут, слева от постамента, увидел еще одну арку, на этот раз закрытую тяжелой дверью. И дверь эта не походила ни на одну другую. Портал, выполненный из того же металла, что и трон, был испещрен множеством необычных знаков.

Он лишь коснулся ее - и дверь открылась с такой легкостью, точно кто-то совсем недавно тщательно смазал дверные проемы. Конан шагнул вперед… и замер, пораженный.

Он находился в квадратной комнате, не очень большой; ее мраморные стены поднимались к богато украшенному, с вкраплениями золота потолку. Золотые бордюры обегали стены сверху и у основания. Другие двери, кроме той, через которую он вошел, в комнате не было. Но он лишь

мельком отметил про себя эти подробности. Все его внимание приковало к себе тело, покоящееся на пьедестале, выточенном из слоновой кости.

Он ожидал увидеть изваяние, высеченное с тем древним мастерством, секрет которого за века был утрачен. И все же ни один мастер, когда-либо творивший на свете, не сумел бы передать линии и пропорции этой совершенной фигуры.

Ни камень, ни металл, ни слоновая кость - перед ним покоились останки когда-то живой женины, и Конан мог только гадать, с помощью какого колдовства древние сумели защитить тело своей принцессы от воздействия безжалостного времени. Даже одежда на ней осталась неповрежденной. Конан нахмурился: последнее обстоятельство пробудило в нем неясные подозрения. Искусство, с помощью которого сохранили от разрушения когда-то живую плоть, вряд ли могли оказать то же воздействие и на покровы. Но се же вот они, перед его глазами: и золотой нагрудник с двумя рисунками концентрических кругов, составленных из драгоценных камней, и позолоченные сандалии, и короткая шелковая юбка, стянутая талии поясом в блестках бриллиантов, камни и металл - все без малейших признаков налета!

Даже в смерти Елайя носила черты холодной красоты, алебастровое тело было хрупким и в то же время чувственным: в гладких, стянутых ад головой волосах цвета ночи пылал огромный рубин.

С минуту Конан стоял, нахмурившись и размышляя, потом постучал по пьедесталу кончиком меча. Ему вдруг пришла в голову мысль, что внутри может находиться полость, где и спрятаны сокровища. В ответ - лишь глухой звук: выходит, надежды на легкую добычу не оправдались. Он повернулся и в нерешительности прошелся по комнате. Где искать? Ведь времени осталось так немного. Тот младший жрец трепался, что сокровища спрятаны где-то во дворце. Но дворец слишком велик - его не обшарить за пару часов. Или, может быть, схорониться где-нибудь, дождаться, пока жрецы, сделав свое дело, уйдут, и тогда возобновить поиски? Но что, если они возьмут с собой не часть, а все сокровище целиком? Не иначе как тот пройдоха Татмекри подкупил Горулгу.

Конан достаточно хорошо знал Татмекри и потому мог предвидеть его действия. Варвар не ошибся, предположив, что именно Татмекри натолкнул зембабвейских королей на мысль завоевать Пунт, что в свою очередь являлось не более чем промежуточной ступенью на пути в главной цели: захват "Зубов Гвалура". Братья-короли осторожничали и, прежде чем предпринять решительные шаги, требовали веских доказательств, что сокровища - не миф и не игра воображения. Камни, выторгованные

Татмекри как залог дружбы, и послужили бы таким доказательством.

А вот тогда, получив бесспорное свидетельство существования сокровищ, короли Зембабве перейдут к открытым действиям. Пунт будет атакован одновременно и с запада и с востока, но замбебвейцы позаботятся о том, чтобы основную работу за них проделали кешанцы. Затем, когда Кешан и Пунт в ожесточенной борьбе окончательно измотают друг друга, зембабвейцы, объявив войну вчерашнему союзнику, захватят Кешан и силой овладеют сокровищами… даже если для этого им придется сжечь дотла весь Кешан и замучить до смерти половину его населения.

Однако не следовало сбрасывать со счетов и такой исход: если только Татмекри доберется до клада, то, следуя своей природе, он немедленно вознамериться одурачить всех - сам украдет сокровища и, незаметно улизнув из города, оставит своих благодетелей с голыми руками.

Конан ни на миг не сомневался, что все это паломничество к прорицательнице - не что иное, как сговор, имеющий целью склонить короля Кешана к союзу с зембабвейцами и заставить его пойти на поводу Татмекри: за время службы киммериец довольно насмотрелся на Горулгу и решил, что тот такая же бестия, как и все, кто замешан в возне вокруг сокровищ. Конан вовсе не стремился пробиться в ближайшее окружение верховного жреца: он знал свои слабые месте и понимал, что по части подкупа ему до стигийца далеко и что любая попытка с его стороны будет тому только на рук. Горлуга, конечно, немедленно встал бы в позу оскорбленной чести, всенародно объявил бы киммерийца злодеем и тем упрочил бы свою репутацию проповедника, заодно избавив Татмекри от злейшего врага. Одно не давало варвару покоя: как удалось стигийцу подкупить жреца, чем соблазнился человек, имея в полном своем распоряжении величайшие богатства мира?

В любом случае, нет сомнений, что прорицательница - понятное дело, в полном согласии с волей богов - замолвит словечко в пользу планов стигийца, а напоследок присовокупит несколько слов относительно его, Конана, дальнейшей судьбы, отчего климат в Кешин покажется ему слишком уж жарким. Впрочем, последние соображения его не особенно беспокоили: как бы ни обернулись события, он еще в ночь отъезда решил не возвращаться в столицу чернокожих.

Итак, в комнате прорицательницы ключа к сокровищам нет. Киммериец вышел обратно в огромный тронный зал и, приблизившись к трону, уперся снизу в подлокотник. Трон был тяжел и поддавался неохотно, и ему удалось заглянуть под литое основание - совершенно гладкая поверхность, постамент был выполнен из цельного куска мрамора. Тогда

Конан еще раз тщательно осмотрел альков: ведь не зря же он здесь устроен - что, если сокровища где-то рядом? Дюйм за дюймом он стал простукивать стены, пока наконец не наткнулся на пустоту - как раз напротив входа в узкий коридор. Тщательно обследовав стену, киммериец обнаружил, что в одном месте зазор между мраморными плитами был чуть шире обычного. Он вставил в него острие кинжала, нажал.

Плита бесшумно ушла в сторону, и глазам варвара предстала ниша - и больше ничего. Он с чувством выругался. Ниша была пуста и, похоже, никогда не служила тайником для сокровищ. Наклонившись вперед, он обнаружил множество узких щелок, проделанных под углом в стене на уровне щелок. Он заглянул в них и понимающе ухмыльнулся. Ниша находилась в стене, разделяющей альков и комнату с телом богини. Конан разочарованно покрутил головой: он разгадал тайну пророчества, но все было сработано на редкость слабо, без выдумки, даже примитивно. Так, значит, Горлуга залезет в нишу - или посадит сюда преданного слугу - и будет вещать сквозь эти дырки, а доверчивые младшие жрецы - все из черных - с благоговением будут внимать живому голосу Елайи.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, киммериец достал свиток, взятый на груди у мумии и, соблюдая всяческую осторожность - тот был настолько древним, что казалось, одно неловкое движение - и он рассыплется в руках - развернул папирус и повернул его к свету. Нахмурив лоб, он напряженно вглядывался в полустертые иероглифы. За время своих бесчисленных скитаний этот могучий искатель приключений нахватался порядком всяких знаний и помимо прочего познакомился с письменной и устной речью многих зыков. Не один ученый грамотей лишился бы покоя от зависти, прознай он о лингвистических способностях киммерийца. Этим догматикам было и невдомек, что в рискованных предприятиях порой знание языка способно склонить чашу весов в пользу жизни.

Варвар скрипнул зубами: на первый взгляд такие знакомые, иероглифы никак не хотели поддаваться расшифровке. Наконец он понял, в чем тут дело. Иероглифы принадлежали к древнему наречию пелишитов, значительно отличавшемуся от их современного, хорошо известного варвару языка, - изменения произошло после того, как тремя столетиями раньше их страну завоевали племена кочевников. Древние письмена читались с трудом. Нужна была зацепка. Тогда из тесных рядов значков он выделил многократно повторяющееся сочетание, в котором без труда угадал имя собственное - Бит-Якин, скорее всего, имя автора манускрипта.

Сдвинув брови и шевеля губами, Конан словно на ощупь пробирался по выцветшим цепочкам иероглифов - много не понимая, улавливая смысл

оставшегося лишь наполовину.

Однако он разобрал, что автор, этот таинственный Бит-Якин, прибыл издалека вместе со слугами и что все вместе они вошли в долину Алкменона. Дальше текст запестрел незнакомыми иероглифами, и из того, что удалось расшифровать, он только понял, что прошло довольно много времени. Часто встречалось имя Елайн, а в последней части манускрипта промелькнуло, что Бит-Якин предчувствовал надвигающийся конец. Киммериец чуть поежился: выходит, мумия в пещере и есть останки составителя манускрипта - загадочного пелишта Бит-Якина. Значит, в конце концов, как он и предрекал, наступила смерть, и слуги, по-видимому, исполняя последнюю волю умершего, поместили его ело в этот открытый, вознесшийся высокого над землей склеп.

Но почему тогда имя Бит-Якина не упоминается ни в одной из легенд об Алкеноне? Или он пришел в долину уже после того, как ее покинули коренные жители, на что, кстати, указывается и в документе… хотя, с другой стороны, выглядит странным, что жрецы, в прошлые века довольно часто навещали прорицательницу, так ни разу не увидели ни самого пелишта, ни кого-нибудь из его слуг. Получатся, что и мумии и манускрипту гораздо больше века. Значит, Бит-Якин обосновался здесь еще во времена, когда жрецы вовсю творили ритуалы перед мертвым телом Елайи. И все-таки о пелиште легенды молчат, повествуя лишь о безжизненном городе, населенном одними духами умерших.

Так что же делал человек в этом пустынном месте, и куда подвались слуги после того, как они обустроили труп своего господина?

Пожав плечами, Конан засунул свиток обратно в поясной карман, и вдруг по его мощному телу пробежала дрожь, в ладонях неприятно защипало, ноги обмякли: неожиданно громко, парализуя волю: сонную тишину дворца разорвал резкий удар большого гонга!

Варвар круто повернулся - чувства предельно обострены, в руке обнаженный меч, глаза впились во тьму узкого коридора, откуда, как ему показалось, исходил звук. Может быть, это прибыли жрецы из Кешии? Нет, невозможно - слишком рано. Но удар гонга - ведь это верный знак, что где-то рядом люди!

По натуре Конан был всецело человеком действия, некоторая гибкость ума, приобретенная им за годы общения с изнеженными цивилизацией народами, в минуты внезапной опасности мгновенно уступала место природным инстинктам. Вот и сейчас, вместо того чтобы затаиться или отступить в противоположном направлении, как сделал бы в подобной ситуации любой другой, варвар быстро зашагал по коридору - туда, где

находился источник звука. Его сандалии производили не больше шума, чем бархатные лапы пантеры, глаза превратились в узкие щелки, губы раздвинулись в зверином оскале. Страх, вызванный усиленным эхом раската гонга, лишь на краткий миг взял верх над природным хладнокровием, и тут же в сумрачной душе варвара всколыхнулась слепая ярость - ответ на смертельную угрозу.

Пройдя извилистым коридором, он вышел к внутреннему округлому дворику. В глаза ему бросился предмет, ослепительно сверкавший на солнце. Это был гонг - огромный золотой диск, подвешенный на золотой же лапе, торчащей из стены. Рядом валялся медный молоток, а вокруг - ни звука, ни малейшего намека на присутствие человека. В стенах разинутыми пастями зияли дверные проемы. Пригнувшийся, укрытый полумраком коридора, он долгое время не решался выйти наружу. Но ничто не нарушало векового покоя огромного дворца. Наконец, исчерпав терпение, он бесшумно заскользил вдоль стены, заглядывая в каждый проем, готовый в любой миг отскочить в сторону или стремительно и точно, словно кобра, нанести удар.

Вот он у гонга. Заглянул под арку рядом - ничего нового: слабоосвещенная комната, стены в мелких трещинах и пол, усыпанный каменной крошкой. Под гонгом на гладко отполированных мраморных плитах не было никаких следов, но в воздухе чувствовался аромат - чужой, чуть неприятный терпкий запах. Он попытался вспомнить его, широко раздувая ноздри, как это делают дикие звери, - все тщетно.

Киммериец шагнул к очередной арке. Внезапно внешне такие прочные плиты пола раскрошились, и он почувствовал, что под ногами - пустота! Раскинув руки, Конан в последний миг сумел зацепиться пальцами за выступающий мрамор, но края плит обломились, и он полетел в разверзшуюся под ним пропасть. Он стремительно падал прямо в бездну и вдруг погрузился в ледяную черную воду, которая обхватила его, завертела и с бешеной скоростью понесла прочь.

2. Богиня пробуждается

В первую минуту киммериец и не пытался бороться с бурным потоком, влекущим его среди мрака неизвестно куда. Он лишь старался по возможности держаться над водой, сжимая зубами верный меч, который не выпустил даже во время падения, и не гадая попусту, куда его вынесет стремнина. И вдруг мрак впереди пронзил луч света. Варвар увидел кипящую, вздымающуюся волнами свинцовую воду - всю словно растревоженную каким-нибудь чудовищем, скрывавшемся в ее глубинах, и отвесные каменные стены канала, переходящие в сводчатый потолок. С

обеих сторон вдоль стен бежало по уступу, но слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться рукой. В одном месте поверхность потолка была нарушена - похоже, тот просто обвалился, - и в образовавшуюся брешь струился свет. За световым лучом стоял кромешный мрак, и варвар ужаснулся при мысли, что еще немного - и его пронесет мимо прямо в черную тьму.

И тут Конан заметил еще кое-что: через равные промежутки от уступов к воде спускались бронзовые прутья лестниц, и как раз мимо одной из них он должен был скоро проплыть. Мгновение спустя он уже бешено работал руками и ногами, стараясь побороть течение, тянущее его обратно на середину потока. Оно точно оплело человека живыми скользкими щупальцами, но тот, яростно сражаясь за каждый дюйм, колотил по свинцовым волнам с отчаянием обреченного, рвал невидимые путы и все ближе продвигался к берегу. Вот он поравнялся с лестницей, последний мощный рывок - и его пальцы впились в нижнюю ступеньку. Обессиленный, едва не захлебнувшийся, он повис в воде, цепляясь за спасительный прут.

Но отдых длился недолго. Через несколько секунд он уже вырывался из тесных объятий стремнины, слепо положившись на сомнительную прочность древних ступеней. Камни крошились, прутья гнулись, но держали, и варвар упрямо карабкался вверх к узкому карнизу, выложенному вдоль стены ярдов на пять ниже того уровня, где стена переходила в свод. Рослому киммерийцу пришлось нагнуть голову, когда, добравшись до цели, он захотел выпрямиться в полный рост. Недалеко от лестницы в стене на высоте уступа виднелась тяжелая бронзовая дверь. Варвар нажал плечом, но дверь не шелохнулась. Он вернул меч на место, в ножны, и сплюнул кровь: за время яростной схватки с потоком острое лезвие изрезало губы. Затем перевел взгляд на брешь в потолке.

Пожалуй, до пролома можно дотянуться. Он попробовал край на прочность - все в порядке, выдержит. В следующий миг он пролез в отверстие и очутился в просторной комнате, пребывавшей в крайней степени запустения. Большая часть потолка обвалилась, как и те несколько плит в полу, которые одновременно являлись сводом в туннеле с подземной рекой. Сквозь испещренные трещинами арки виднелись другие комнаты и коридоры - очевидно, он все еще находился в пределах огромного дворца. Конан с беспокойством подумал, сколько комнат таят несущуюся под ними стремнину и как среди сотен распознать коварные плиты, готовые расколоться у него под ногами и низвергнуть его обратно в пучину, из которой он только что выбрался.

И еще одна мысль не давала покоя: так ли уж случайно раскололись те плиты? Конечно, может статься, они случайно не выдержали его веса, но что, если существует иная - гораздо менее безобидная причина? По крайней мере, ясно одно: во дворце кроме него есть живые люди. Тот гонг - он ведь ударил не сам по себе - неважно, была ли это ловкая приманка в зубах смерти или нет. Тишина дворца вдруг показалась зловещей, насыщенной скрытой угрозой.

А что, если его опередили? Он вдруг вспомнил загадочного Бит-Якина: тот заявился сюда явно неспроста. Разве не может быть, что за долгое пребывание в Алкменоне он отыскал-таки "Зубы Гвалура", а после смерти хозяина слуги унесли сокровище с собой? От одной мысли, что он, возможно, гоняется за несбыточной мечтой, варвар пришел в ярость.

Определив, в какой стороне должен находиться тронный зал и комната с богиней, он быстро зашагал по коридору, не забывая, однако, о разумной осторожности: перед его глазами все время стояла картина бурного, в пенных клочьях потока, стремительно несущего свои черные воды где-то у него под ногами.

В мыслях он постоянно возвращался к комнате за тронным залом, где покоилось удивительное живое на вид тело прорицательницы. Именно там нужно искать ключ к разгадке тайны сокровищ, если, конечно, оно до сих пор находится в пределах дворца.

По-прежнему все вокруг наполняла тишина, нарушаемая лишь быстротой мягкой поступью его сандалий. Залы и комнаты с просевшим и обвалившимся потолком, стены в прожилках трещин, каменная крошка, усеявшая мозаичный пол, - все носило на себе разрушительную печать времени, но по мере того, как он продвигался вперед, следы запустения становилось все менее явным. Он вдруг подумал, для чего это древним понадобилось устраивать лестницы от карниза к подземной реке, но скоро, пожав плечами, отбросив эту мысль как несущественную. Вопросы быта минувших эпох, не приносящие реальной выгоды, варвара мало интересовали.

Конан уже начинал сомневаться в правильности выбранного направления, как вдруг очередной коридор вывел его прямо в тронный зал. Киммериец принял решение: бесполезно бродить по дворцу наугад - гораздо разумнее спрятаться где-нибудь здесь, дождаться кешанцев, а уж те, после того как разыграют свою сцену пророчества, сами прямой дорогой выведут его к сокровищам. Кто знает, может быть, в этот раз они возьмут всего лишь несколько камней, а он уж так и быть - удовольствуется остаточком.

Распаленный услужливым воображением, киммериец вторично вошел в комнату прорицательницы и, завороженный необычной холодной красотой, неслышными шагами приблизился к пьедесталу, где лежало тело давно умершей, почитаемой за богиню принцессы. Невероятно! Какое страшное заклинание удерживает от разложения эти прекрасные формы?

Внезапно он содрогнулся всем телом. Дыхание прервалось, коротко остриженные волосы на голове встали дыбом. Тело покоилось точно в таком же положении, без каких-либо видимых изменений, как и в тот раз, когда он вошел сюда впервые, - неподвижное, все в том же золотом нагруднике с кругами из посверкивающих камней, в тех же золоченных сандалиях и в короткой шелковой юбке. И вместе с тем ощущалась едва уловимая разница. Точеные руки и ноги уже не казались окоченевшими, щеки налились слабым румянцем, губы покраснели…

Исторгнув из груди рычание, Конан выхватил меч:

– Кром всемогущий! Да она живая!

От крика варвара длинные темные ресницы дрогнули, поднялись, и немигающим взглядом снизу вверх его пронзили глаза - блестящие, непроницаемые, цвета тьмы. Он оцепенел, глядя на них в немом ужасе.

Богиня села: в простом движении - предельная гармония, глаза - словно заглядывают прямо в душу варвара.

Он нервно облизал сухие губы и наконец обрел дар речи.

– Ты… ты Елайя? - пробормотал он, запинаясь.

– Да! Я - Елайя! - Глубокий мелодичный голос с новой силой поразил его. - Не бойся. Я не причиню тебе зла, если не станешь мне противиться.

– Как может ожить мертвец, который пробыл мертвецом столетия? - В вопросе проскользнуло недоверие: казалось, он не верит собственным глазам. В щелках зрачков киммерийца стал разгораться хитрый огонек.

С божественной грацией она подняла руку.

– Я - богиня. Тысячу лет на меня пало проклятие могущественных духов - духов Тьмы, обитающих по ту сторону Света. Что было смертно во мне, умерло - божественное начало живет вечно. На этом ложе я покоюсь уже многие века и просыпаюсь каждый вечер на закате, чтобы вместе с призраками, вышедшими из тени прошлого, как и в давно минувшие годы, устраивать приемы во дворце. - Легкая пауза. - Человек, если не хочешь навсегда лишиться разума, удались немедленно! Я, богиня, приказываю тебе - уходи! - Голос стал властным, чуть нетерпеливым, а изящная рука в повелительном жесте указала на бронзовую дверь.

Конан - с глазами, как горящие уголья, - вложил меч в ножны, однако выполнять божественное повеление не спешил. Точно под властью

колдовских чар, он сделал шаг вперед - и вдруг совершенно неожиданно сгреб Елайю в свои медвежью объятия! Богиня завизжала самым непотребным образом, и тут же послышался треск разрываемой материи: одним грубым рывком Конан сдернул с божественного тела шелковую юбку!

– Богиня! Ха! - В его рычании сквозило гневное презрение. Пленница извивалась, делая отчаянные попытки обрести свободу, но он словно бы не замечал их. - То-то мне показалось странным, что принцесса Алкменона говорит с коринфийским акцентом! Как только я очухался, я уже знал, что где-то раньше тебя видел. Ты Мьюрела - коринфийская танцовщица из окружения Зархебы. А вот на бедре и родимое пятно полумесяцем. Я видел его как-то раз, когда Зархеба учил тебя плетью. Богиня! Надо же! - Он звучно шлепнул по предательскому бедру ладонью, и девушка жалобно вскрикнула. Вся ее величавость пропала. Она была уже не мистическим творением от страха и унижения юной танцовщицей, каких десятками продают на невольничьих рынках Шема. И вот послышалось жалобное шмыганье, еще минута - и, потеряв всякий стыд, развенчанная принцесса ударилась в слезы. С высоты своего роста варвар бросил на пленницу торжествующий взгляд.

– Принцесса! Слишком много чести! Так, значит, ты из тех женщин, которых Зархеба привел в Кешан скрытым под вуалью? Неужели ты всерьез надеялся обмануть меня, ты - жалкий комок перьев? Год назад я видел тебя в Акбитане вместе с этой свиньей Зархебой, а я никогда не забываю ни лиц женщин, ни их тел. Пожалуй, я…

Но тут, подстегнутая ужасом, девушка извернулась в железных объятиях варвара и тонкими руками обвила его бычью шею; по щекам побежали ручейки слез, рыдания стали быстро нарастать - она была на грани истерики.

– Умоляю, не убивай меня! Не убивай! Меня заставили! Это Зархеба привел меня сюда, чтобы я сыграла роль богини!

– Что-о?! Не кощунствуй, мерзкая шлюшка! - загрохотал по комнате его голос. - Или ты не боишься гнева богов? Великий Кром! Неужто на свете повывелось благочестие?

– О, умоляю тебя! - От страха она совсем потеряла голову, лишь все сильнее льнула к нему, дрожа всем телом. - Я не посмела ослушаться Зархебы. О, что мне теперь делать? Эти языческие боги… Они проклянут меня!

– Как ты думаешь, если жрецы обнаружат, что их богиня - фальшивая, что они с ней сделают? - с ухмылочкой спросил он.

При мысли об этом ноги девушки отказались ей служить; дрожащая и безвольная, Мьюрела сползла к ногам варвара и, обхватив его колени руками, прерывистым голосом взмолилась о пощаде и защите, перемежая мольбы слабыми попытками убедить его в своей невинности и в отсутствии у нее дурных помыслов. От прежней гордой принцессы предков не оставалось и следа, что было и не удивительно, ибо страх преследовал ее постоянно и, если в прежней роли его еще удавалось как-то сдерживать, то теперь, едва ему поддавшись, она уже не смогла с ним совладать и сейчас быстро погружалась в бездну животного ужаса.

– Где Зархеба? Да прекрати ты выть, говори толком!

– Дожидается жрецов снаружи дворца! - донеслось сквозь всхлипывания.

– Сколько с ним человек?

– Никого. Мы пришли вдвоем.

– Ха! - Возглас весьма походил на довольное рычание льва на охоте. - Значит, вы покинули Кешию всего через несколько часов после меня. Вы взбирались на скалы?

Она лишь покачала головой: слезы душили ее, нетерпеливо выругавшись, Конан впился железными пальцами в нежные плечи и встряхнул несколько раз подряд, пока девушка не открыла рот и с шумом не втянула в себя воздух.

– Ты прекратишь когда-нибудь свой рев? Отвечай, как вы попали в долину.

– Зархеба знает тайный ход, - выдохнула она. - О нем ему сказал жрец Гварунга, а еще Татмекри. Снаружи, напротив южной части долины у подножия скал есть большое озеро. Под водой в озеро открывается пещера - с берега входа в нее не видно. Мы нырнули и проникли в пещеру. Она почти сразу пошла кверху, вода кончилась, и дальше мы шли под горой. А выход из пещеры в долину скрыт густыми зарослями.

– Хм-м. А я-то взбирался на скалы с восточной стороны, - пробормотал он. - Ну да ладно, что было потом?

– Мы пришли ко дворцу, и Зархеба спрятал меня в лесу, а сам пошел искать комнату с телом прорицательницы. Он, похоже, не слишком доверяет Гварунге. Когда он ушел, мне послышалось, будто где-то ударил гонг, только я не совсем уверена. Наконец вернулся Зархеба и приказал следовать за ним. Он привел меня в комнату, где на пьедестале лежала богиня Елайя. Сняв с нее одежду и украшения, он заставил меня надеть все это, потом уложил на пьедестал в позе, в которой лежала богиня, и, оставив одну, сам отправился прятать тело и выслеживать жрецов, когда те явятся.

Я очень боялась. Когда ты вошел, я готова была вскочить с пьедестала и умолять тебя забрать меня из этого проклятого места, но я страшилась мести Зархебы. А когда ты обнаружил, что я живая, то решила напугать, чтобы ты поскорее ушел.

– Что ты должна была им наговорить?

– Я должна была приказать жрецам взять "Зубы Гвалура" и некоторые из них, как и хотел Татмекри, передать ему в качестве залога, а остальные спрятать где-нибудь во дворце в Кешии. Я должна была сказать, что великие беды ожидают Кешан, если предложения Татмекри будут отвергнуть… Ах да, еще я должна была сказать, чтобы с тебя как можно скоре содрали кожу.

– Значит, Татмекри - или зембабвейцы - хотели заполучить сокровище в такое место, где его без труда можно было бы прибрать к рукам, - как бы размышляя вслух, сказал Конан; замечание насчет себя он оставил без внимания. - Ну да ладно, как только доберусь до него - вырежу печень. Горулга, конечно, тоже замешан в этом деле?

– Нет. Он искренне верит в своих богов. Он ничего не знает о планах заговорщиков и выполнит все повеления богини. Это все Татмекри - его игра. Зная, что кешанцы отправятся к прорицательнице, он подсказа Зархебе включить меня в посольство, доставить под вуалью в Кешию и до поры до времени спрятать в укромном месте подальше от любопытных глаз.

– Ну и чудеса, будь я проклят! - От удивления варвар вскинул брови. - Неподкупный жрец, который верит в волю богов! Великий Кром! Должно быть, это Зархеба и грохнул по гонгу. Интересно, знал ли он обо мне? Если так, то получается - Зархеба и заманил меня на те проклятые плиты. Где он сейчас?

– Прячется в рощице лотосовых деревьев у старой аллеи, что ведет от южной части гряды ко дворцу, - все еще с опаской отвечала она и вновь захныкала: - О Конан, сжалься надо мной! Я так боюсь здесь оставаться, этот дворец… в нем затаилось что-то злое! Лежа с закрытыми глазами, я слышала вокруг тихие, крадущиеся шаги. Умоляю, забери меня отсюда$ Я знаю: как только я сыграю свою роль, Зархеба тут же убьет меня. Жрецы, если раскроют обман, тоже убьют.

Он сущий демон! Он купил меня у работорговца, а тот выкрал из каравана, увязшего в песках Пустыни. И с тех пор я - оружие в его руках: в любой своей интриге он использует меня. Конан, забери меня от него! Ты ведь не будешь со мной жесток, как этот заверь? Скажи! Ты ведь не бросишь меня здесь одну на верную смерть? Сжалься, прошу тебя!

Стоя на коленях, она собачонкой жалась к его ногам; красивое, обращенное кверху лицо было в слезах, темные шелковистые волосы - в беспорядке рассыпаны по белым плечам.

Конан осторожно поднял девушку.

– А теперь слушай. Я избавлю тебя от Зархебы. Жрецы не узнают о твоем розыгрыше. Но взамен ты сделаешь так, как я скажу.

Прерывистым голосом девушка пролепетала слова покорности, своими слабыми руками она обхватила мускулистую шею гиганта, словно в соприкосновении с этим могучим человеком искала защиты от своих страхов.

Слегка похлопывая ее по спине, Конан продолжал:

– Так вот. Когда явятся жрецы, ты, как и хотел Зархеба, сыграешь свою роль Елайи. Будет темно, и в свете факелов подмены никто не заметит. Но скажешь им вот что: "Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана. Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть "Зубы Гвалура" передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он один любимец богов".

От этих слов девушка задрожала с новой силой, вся ее хрупкая фигурка - воплощенное отчаяние, но выбора у нее не было.

– А как же Зархеба? - всхлипнула она. - Он убьет меня!

– Насчет Зархебы не беспокойся, - рыкнул он зверем. - Его я беру на себя, а ты делай, как велю. А сейчас прибери-ка волосы, а то вон они растрепались по плечам. И рубин выпал.

Он сам водворил камень на место, взглянул, чуть отстраняясь, одобрительно кивнул:

– За один этот камень можно было бы набить всю эту комнату рабами. Так, теперь надень юбку. Она немного порвана сбоку, но ничего, жрецы не станут разглядывать. Вытри лицо. Богине не пристало плакать точно девчонке после розог. Клянусь Кромом! Да ты и впрямь, как настоящая Елайя - то же лицо, фигура, волосы и прочее! Если и перед жрецами ты разыграешь богиню не хуже, чем передо мной, то одурачишь их в два счета!

– Я постараюсь, - уже спокойно ответила девушка, однако дрожь не утихала.

– Вот и прекрасно. Пойду поищу Зархебу.

Ее снова обуял страх.

– Нет! Не оставляй меня! Во дворце кто-то есть!

– Здесь тебе нечего бояться! - В голосе варвара слышалось нетерпение.

- Разве что Зархебы, но я за ним присмотрю. Скоро вернусь. Во время обряда я на всякий случай буду неподалеку, но, думаю, если сыграешь роль как полагается, то никаких таких случаев не возникнет.

И повернувшись, он быстро зашагал из комнаты, услышав напоследок слабый вскрик перепуганной насмерть Мьюрелы.

На долину спустилась ночь. Из углов выступили тени; комнаты, залы, коридоры потеряли четкость; бронзовые фризы тускло поблескивали сквозь толстый слой пыли. Конан двигался бесшумно, точно призрак, и все время, его не покидало ощущение, будто из темных сгустков дверных провалов за ним внимательно следят глаза невидимых духов прошлого. Неудивительно, что девочка чувствовала себя неуютно в такой обстановке.

Ступая мягко, как пантера, с мечом наготове, он спустился по широким мраморным ступеням. В долине царила тишина, а над грядою скал приветливо помаргивали звезды. Если кешанские жрецы уже вошли в долину, то ни шорохом, ни трепетом листвы они себя не выдали. Конан отыскал древнюю в трещинах аллею, ведущую к югу, - молодые деревца и буйно разросшиеся кусты почти скрыли из глаз ее изломанные плиты. Пригнувшийся, готовый ко всему, он начал красться по аллее, придерживаясь стороны, где заросли отбрасывали густую тень, пока не увидел стоящие в отдалении обособленной группой лотосовые деревья - необычные растения, которые в природных условиях растут лишь на землях Куша. Там, по словам девушки, скрывался Зархеба.

Конан - меч сжат в руке, чувства предельно обострены - мягко скользящей тенью растворился в зарослях.

Он приблизился к рощице окружным путем, и только едва уловимое шуршание листьев отмечало его шаги. Вот он уже у рощицы и тут, будто наткнувшись в невидимую преграду, застыл среди деревьев - в точности как замирает пантера в минуту опасности. Впереди, в неверном свете среди плотной листвы, маячил бледный овальный предмет. На первый взгляд - один из крупных белых цветов, густо усеявших ветки деревьев; но зрение не обмануло варвара: это было лицо человека. И оно было обращено к нему! Конан отпрянул глубже в заросли. Видел ли его Зархеба? Тот ведь смотрел прямо на него! Мгновения казались минутами. Матовое лицо оставалось неподвижным. Конан разглядел темное пятно внизу - короткая черная бородка.

Внезапно он нахмурился. Странно: Зархеба был, насколько помниться, человеком не слишком высоким. Ему, Конану, он едва доставал до плеча, а сейчас их лица примерно на одном уровне. Может, он на что-нибудь встал? Нагнувшись, Конан попытался разглядеть хоть что-нибудь на земле под

матовым лицом, но мешали кустарник и толстые стволы деревьев. Похоже, кое-что он все-таки увидел, потому что вдруг напрягся: сквозь узкую брешь в подлеске виднелся ствол того дерева, под которым, предположительно, стоял Зархеба. Лицо маячило как раз на фоне ствола, и, значит, там он должен был увидеть тело Зархебы, а никак не ствол. Но тела не было.

Наконец, сжавшись в комок нервов и мускулов - более плотный, чем тот, в который сжимается следящий за добычей тигр, - Конан вошел в рощицу. Еще несколько мгновений - и, отогнув в сторону ветку, киммериец, пораженный, уставился прямо в безжизненное лицо. Именно безжизненное, ибо никогда уже эти губы не растянуться в надменной улыбке. В глубоком молчании варвар смотрел на отрезанную голову Зархебы, подвешенную к ветке за длинные черные волосы.

3. Ответ прорицательницы

Конан круто повернулся, его пытливый взгляд прощупывал каждую тень, каждый куст. Никаких следов тела убитого, лишь чуть в стороне кто-то примял высокую сочную траву да залил газон чем-то темным и липким. Варвар застыл, едва дыша, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Очерченные густыми сумерками, кусты и деревья в белых цветах стояли не шелохнувшись - большие, темные, зловещие.

В глубине души варвара зашевелился животный ужас. Кто побывал здесь? Жрецы Кешана? Если так, то где они? Или все-таки в гонг ударил Зархеба? В голове вновь вплыли воспоминания о Бит-Якине и его неведомо куда исчезнувших слугах. Бит-Якин умер, от него остался высохший скелет, обтянутый пергаментной кожей. Он обречен вечно, пока не рассыплется в прах, встречать восходящее солнце из своего разверстого склепа. Но остаются еще слуги Бит-Якина. Внезапно мозг пронзила страшная догадка: нет никаких доказательств того, что они вообще ушли из долины!

Конан подумал о Мьюреле: как там она - одна в огромном мраморном дворце, без надежды на помощь. Он повернулся и по сумрачной аллее побежал обратно ко дворцу - весь как пантера: грация и пластика, даже в прыжке готовый мгновенно нанести удар клинком.

Впереди сквозь деревья затускнели купола, но его зоркие глаза отметили и другое, красноватые отблески огня на мраморных плитах. Он тут же растворился в кустах, протянувшихся по обе стороны аллеи, прокрался среди плотных зарослей и вышел к открытому пространству перед портиком. Его ушей достигли неясные голоса, в нескольких ярдах замаячили факелы, и в свете пламени он различил лоснящиеся эбеновые плечи. То прибыли жрецы Кешана.

Так, значит, они не пошли заросшей центральной аллеей, где их рассчитывал увидеть Зархеба. Очевидно, тайный ход в долину, о котором рассказала девушка, был не единственным.

Высоко подняв факелы, жрецы поднимались по широким мраморным ступеням. В голове процессии Конан увидел Горулгу - в пляске огня отчетливо выделялось его словно отлитое из бронзы лицо. Его сопровождали младшие жрецы - крупные негры, чья черная кожа отливала алым. Последним в цепочке важно вышагивал огромного роста чернокожий с необычайно злобным и коварным выражением лица. При виде его Конан сдвинул брови: это и был Гварунга, который, по словам Мьюрелы, открыл ей секрет тайного хода через озеро. "Интересно, - подумал киммериец, - насколько глубоко он увяз в этой истории?"

Конан поспешил к портику, огибая открытую площадку по краю круга, все время оставаясь в тени. Стражи у входа они не оставили. Отблески света плясали далеко в коридоре. Процессия едва успела дойти до двустворчатой двери в конце коридора, а Конан, миновав лестницу, уже вступал за ними под своды дворца. Перебегая от колонны к колонне, он достиг двери, когда жрецы все еще шли огромным тронным залом; от огня тени съеживались и прятались глубоко в ниши. Не один из них не обернулся. Все так же в цепочке по одному с мерно кивающими плюмажами из страусовых перьев, в туниках кожи леопарда - до нелепости неуместных в этом окружении из мрамора и металлических арабесков - они прошли по залу и остановились у горящей золотом двери слева от постамента с троном.

Под сводами огромного пустого зала жутким эхом разнесся громкий голос Горулги; заунывные, протяжные звуки мешали притаившемуся варвару разобрать отдельные слова. Голос смолк. Верховный жрец толкнул позолоченные двери и вошел, беспрерывно кланяясь в пояс, следом вошли его спутники, точь-в-точь повторяя движения своего господина, - с их факелов срывались огненные языки. Но вот золотая дверь закрылась, погасли блики, смолкли звуки - и Конан стрелой метнулся через зал в альков за троном; шорох шагов варвара был тише дуновения ветерка.

Когда плита ушла в сторону, в глаза ему бросились лучики света, пробивавшиеся сквозь крохотные отверстия в стене. Скользнув в нишу, он припал глазами к дырочкам. Мюьрела в безупречной позе богини сидела на пьедестале - спина прямая, руки скрещены на груди, откинутая назад голова касалась стены всего в нескольких дюймах от него. Чуткими ноздрями киммериец уловил тонкий аромат, исходивший от волос девушки. Он не мог видеть ее лица, но вся поза Мьюрелы говорила о том, что ее

неподвижный взгляд, скользя поверх бритых голов коленопреклонных чернокожих гигантов, устремлен в неведомую даль. Конан одобрительно ухмыльнулся. "А у шлюшки-то природный дар дурачить простачков!" - подумал он. Сам-то он прекрасно знал, что каждая клеточка ее тела в эти минуты трепещет от ужаса, но внешне она оставалась бесстрастной. В сполохах пламени девушка смотрелась ничем не хуже той, настоящий, богини, которая прежде лежала на этом пьедестале; оставалось лишь уверовать, что древнее колдовство вдохнуло огонь жизни в ее мертвое тело.

Горулга своим громоподобным голосом нараспев читал что-то вроде заклинания. Наречие было незнакомо варвару - скорее всего, язык древнего Алкменона, в нетронутом виде передаваемый от поколения к поколению верховных жрецов. Казалось, этому не будет конца. Конан все больше волновался: ведь чем дольше продлиться церемония, тем нестерпимей станет охватившее Мьюрелу напряжение. И если она сорвется… Он придвинул острие кинжала вплотную к идущей под углом щели в стене: нельзя допустить, чтобы чернокожие подвергли девчонку своим бесчеловечным пыткам.

Но вот монотонное песнопение - низкое, скрипучее и невыносимо зловещее - в конце концов прекратилось; младшие жрецы врач что-то прокричали - первая часть обряда благополучно завершилась. Подняв голову и простерев руки к безмолвной фигуре на пьедестале, Горулга глубоким, зычным голосом, обычным для жрецов Кешана, возгласил:

– О великая богиня! Ты, равная своим величием могуществу богов царства Тьмы! Да смягчится твое сердце, да раскроются твои уста и да изольется божественная мудрость на твоего раба, чья голова - в пыли у твоих ног! Молю тебя, великая богиня священной долины, - говори! Тебе ведом предначертанный нам путь; мрак, угрожающий смертным, для тебя - лучи полуденного солнца. Пролей свет мудрости на смиренных слуг твоих. Скажи нам, вестница богов: как поступить нам с Татмекри-стигийцем?

Масса высоко уложенных, гладко зачесанных волос, ловящих бронзовые отблески огня, чуть шевельнулась. Шумный вздох благоговейного страха взметнулся над группой младших жрецов. В гробовой тишине в ушах Конана отчетливо звучал голос Мьюрелы - холодный, как бы издалека, хотя, отметил про себя Конан, и с заметным коринфийским выговором:

– Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана! - Она точь-в-точь повторяла его слова. - Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть "Зубы Гвалура" передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско

Кешана. Он один - любимец богов!

С последними словами в ее голосе промелькнула дрожь, и Конана прошиб холодный пот; ему почудилось, что девушка на грани срыва. Но чернокожие ничего не заметили, они даже не расслышали коринфийского акцента, поскольку никогда прежде не общались с коринфийцами. Сложив руки в молитвенном жесте, они забормотали слова покорности, благоговения и страха. В свете факелов глаза Горулги сверкнули фанатичным огнем.

– Елайя изрекла свое слово! - восторженно воскликнул он.

– Такова воля богов! Давным-давно, в дни наших далеких предков, по велению богов, которые еще на заре мира вырвали эти зубы из ужасной пасти Гвалура, властителя царства Тьмы, на сокровища было наложено заклятье. Затем по повелению богов "Зубы Гвалура" засияют вновь! О рожденная звездой, позволь нам удалиться, чтобы немедленно исполнить твою волю: достать из тайника сокровище и по возвращении передать его любимцу богов!

– Можете удалиться! - ответствовала подставная богиня, сопроводив слова великолепным жестом, при виде которого Конан широко ухмыльнулся.

Жрецы попятились; плюмажи, факелы вновь закачались вверх-вниз, вторя бесчисленным поклонам.

Золотая дверь закрылась, и со слабым стоном богиня безвольно упала на пьедестал.

– Конан! - всхлипнув, позвала она. - Конан!

– Ш-ш-ш! - прошелестел он, приложив губы к отверстиям; потом выскользнул из ниши и вернул на место плиту. Он бросил взгляд в дверной проем: через тронный зал, покачиваясь, удалялись факелы. Однако, как ни странно, зал был полон призрачного света, и он исходил не от огня, зажженного людьми. В первый момент он растерялся, но тут же отыскал решение загадки. Взошла луна, ее свет, падавший на купол, проникал сквозь невидимые щели, и ровный, усиленный благодаря искусству древних зодчих, наполнял зал призрачным, голубоватым свечением. Выходит, сияющий купол древнего Алкменона не сказка? Возможно, в купол вкраплены те необычные, точно в белом пламени кристаллы, которые попадались лишь в горах Черных королевств. Свет заливал тронный зал и сквозь дверные проемы просачивался в примыкающие к нему комнаты.

Но только Конан сделал пару шагов по направлению к залу, как тут же круто обернулся: из коридора, уводящего из алькова, донесся шорох. Он

бесшумно подкрался к входу и взглядом впился в темноту; в его ушах будто снова прозвучал удар гонга, эхом докатившийся по этому коридору, - удар, из-за которого он угодил в ловушку и едва не погиб. Свет от купола с трудом добирался до узкого коридора, и как Конан ни старался, он ничего не увидел. И все-таки он готов был поклясться, что из глубины туннеля слышалось слабое шлепанье босых ног.

Пока он так стоял, не зная что ему предпринимать, за его спиной вдруг раздался сдавленный женский крик. Быстро выглянув в тронный зал, он стал свидетели неожиданной сцены, разыгравшейся в призрачном свете кристаллов.

Жрецы вместе со своими факелами уже покинули дворец - все, за исключением одного, Гварунги. Его зловещие черты были перекошены от ярости; сдавив своими железными пальцами горло оцепеневшей от ужаса Мьюрелы, он неистово тряс ее, не обращая внимания на хриплые мольбы о пощаде.

– Предательница! - Шипение, прорвавшееся сквозь толстые красные губы негра, казалось шипением кобры. - Что ты еще задумала? Разве Зархеба не научил тебя, что надо говорить? Да нет, не может быть - ведь Татмекри сам мне сказал! Одно из двух: или ты предала своего господина, или он с твоей помощью предает своих друзей! Грязная тварь! За твое предательство я откручу твою лживую голову, но прежде…

Взгляд расширенных глаз пленницы, вдруг устремленный поверх его плеча, предупредил огромного негра об опасности. Выпустив девушку, он круто обернулся - и в этот миг меч Конана рассек воздух. От удара чернокожий опрокинулся спиной на мраморный пол - из рваной раны в голове сочилась кровь.

Конан шагнул вперед с намерением закончить дело: негр так быстро повернул голову, что клинок ударил плашмя, но внезапно. Мьюрела судорожно обхватила его руками.

– Я сделала все, как ты приказывал! - Она вся зашлась от ужаса. - Уведи меня отсюда! Умоляю тебя, уйдем поскорее!

– Еще не время! - отрезал он. - Я хочу выследить, где у жрецов спрятаны сокровища. Совсем не обязательно, что они возьмут с собой все. Ты можешь идти со мной. А кстати, где камень, что был у тебя в волосах?

– Наверное, выпал, пока я лежала на пьедестале, - неуверенно сказала она, ощупывая туго стянутые волосы. - Я так перепугалась… Когда жрецы ушли, я выбежала из комнаты, чтобы найти тебя, а этот зверь, оказывается, задержался. Он схватил меня своими лапами и если бы…

– Ладно, будет тебе, - варвар ободряюще похлопал девушку по спине. -

Поищи рубин, а я пока закончу с этим полутрупом. Этот камешек один стоит целого состояния.

Она помялась немного - похоже, ей очень не хотелось туда возвращаться, - но увидев, как деловито Конан поволок Гварунгу к алькову, оставила опасения и вошла в комнату прорицательницы.

В алькове Конан бросил бесчувственное тело на пол и подлинял меч. Киммериец слишком долго жил среди дикарей, чтобы питать иллюзии относительно человеческой благодарности. Безопасный враг - обезглавленный враг. Но он так и не ударил: от душераздирающего вопля его рука застыла в воздухе.

– Конан! Конан! Она вернулась!… - Вопль оборвался глухим рычанием и шарканьем голых ступней.

Варвар с проклятием метнулся из алькова и, промчавшись мимо постамента с троном, с последним отзвуком вопля вбежал в комнату прорицательницы. Там он застыл - обескураженный, во все глаза глядя прямо перед собой. Мьюрела, как ни в чем не бывало, лежала, вытянувшись, на пьедестале - веки были опущены, как если б она только что задремала.

– Что за переполох ты тут устроила? - в раздражении потребовал он объяснений. - Тоже нашла время для…

Он вдруг осекся. Пристальным взглядом варвар окинул цвета слоновой кости бедро, скользнул по облегающей шелковой юбке. Он искал глазами разрыв - большой разрыв от пояса до нижней каймы… и не находил. Куда он мог подеваться? Ведь он сам, собственноручно разодрал юбку, когда грубо стаскивал ее с бившейся в его объятиях танцовщицы. И никаких следов штопки.

Одним прыжком киммериец покрыл ярды до пьедестала, положил руку на точеное бедро - и тут же резко одернул, точно коснулся раскаленного железа, а не окоченевшего, во власти смерти тела.

– Великий Кром! - вырвалось у него, глаза превратились в пылающие огнем щелки. - Да это не Мьюрела! Это - Елайя!

Теперь он понял причину отчаянного вопля, сорвавшегося с губ Мьюрелы, когда та вошла в комнату. Богиня возвратилась на свое место. Раньше Зархеба раздел ее, чтобы в ее одеяние облачить танцовщицу. И все же вот они: шелка и драгоценности - точная копия тех, что он увидел, когда вошел сюда впервые. Он почувствовал, как где-то под коротко остриженными волосами на затылке пробудилось и стало быстро нарастать непривычное, холодное покалывание.

– Мьюрела! - крикнул Конан. - Мьюрела! Где ты там?

В ответ - лишь издевательское эхо. В комнату вел только один ход - через золотую дверь, и значит, никто не мог ни войти в нее, ни выйти отсюда незамеченным. Однако факты говорили о другом: Елайю возвратили на пьедестал в то время, когда Мьюрела, выйдя из комнаты и угодив в лапы Гварунги, минуту или две билась в его когтях; кроме того, в ушах варвара до сих пор стоял звон от отчаянного вопля девушки, несшегося из этой комнаты, и вместе с тем ее здесь нет, она будто растаяла в воздухе. Напрашивался один вывод: где-то здесь должна находиться потайная дверь. И только он так подумал, как сразу увидел ее.

На фоне внешне монолитной мраморной плиты виднелась узкая, изломанная под прямым углом щель, из которой торчал шелковый лоскуток. Еще секунда - и он склонился над находкой. Это был обрывок шелковой юбки Мьюрелы. Сомнений нет. Очевидно, в тот момент, когда неведомые похитители проносили девушку сквозь небольшой проем, закрывающаяся дверь защемила юбку, и от той оторвался лоскуток. Он-то и помешал двери слиться со стеной.

Конан вставил острие кинжала в щель и, пользуясь им как рычагом, напряг свою в канатах мускулов руку. Лезвие согнулось, но не сломалось: клинок был выполнен из акбитанской стали. Он приналег всем телом - и мраморная дверь открылась. С мечом наизготовку Конан заглянул в проем - никаких признаков опасности. В слабом свете, падавшем из зала в комнату прорицательницы, он увидел несколько высеченных в мраморе ступеней. Ухватившись за край, он сколько мог оттянул на себя плиту и, вставив в расщелину пола нож, закрепил ее. Затем без тени сомнений шагнул на верхнюю ступеньку. Впереди - ни проблеска, ни звука. Дюжина шагов вниз - и лестница окончилась узким коридором, который уходил прямо во тьму.

Вдруг он остановился, застыл как изваяние, пристально глядя на испещренные фресками стены, едва различимые в таинственном сумрачном сете. Рисунки, несомненно, были выполнены в манере пелиштов, похожие он видел на стенах Асгалуна. Но изображенные здесь сцены не имели с культом пелиштов ничего общего, кроме, пожалуй, часто повторяющейся детали: худого белобородого старика с настолько ярко выраженными расовыми признаками, что невозможно было ошибиться. Похоже, действие на всех рисунках происходило в том или иной части дворца. Несколько фресок изображали одну и ту же комнату, в которой Конан узнал комнату прорицательницы с телом Елайи, распростертом на пьедестале, и с огромными чернокожими, стоящими перед богиней на коленях. А вот в нише за стеной притаился древний пелишт. Были и другие сюжеты: люди или просто шли по пустынному дворцу, или совершали

обряды пелиштов, или доставали из подземной реки какие-то непонятные предметы. Еще несколько мгновений - и Конан замер: прежде непонятные строки древнего манускрипта с ошеломляющей ясностью вдруг засияли в мозгу. Недостающие фрагменты встали на свои места, тайна Бит-Якина уже не была тайной, исчезновение его слуг - загадкой.

По спине варвара пробежал холодок. Пристальным взглядом он впился в черный провал коридора. Спустя минуту он уже шел по мраморному туннелю, ступая мягко, словно кошка, без тени сомнений в голове; по мере того, как он удался от лестницы, тьма вокруг сгущалась. Воздух был насыщен запахом, который он почуял во дворике с гонгом.

Но вот он услышал легкий шорох - то ли шарканье босых ног, то ли шуршание свободных одежд о каменные плиты. В следующий миг его вытянутая вперед рука коснулась преграды, на ощупь - тяжелая металлическая дверь с гравированной поверхностью. Он приналег плечом - дверь не шелохнулась; попробовал отыскать острием меча щелочку - ни единой зацепки. Дверь стояла, как влитая, Тогда он собрал все силы: ноги в узлах напрягшихся мускулов столбами уперлись в пол, жилы на висках вздулись, на лбу выступили капли пота - все тщетно. Этот портал устоял бы и перед натиском слона.

Все еще не желая отступать, он чутким слухом вдруг уловил по ту сторону едва различимый скрип - словно в шарнире проворачивалось ржавое железо. Реакция была молниеносна: практически сам звук, мыль и ответный ход произошли одновременно. Прыжок был легок и пружинист, и не успели его ноги коснуться пола, как что-то большое, грузное обрушилось сверху; каменный пол задрожал, по коридору прокатился жуткий грохот, в тело ударил целый рой осколков. Огромный каменный блок рухнул на то место, где он стоял мгновение назад. Доля секунды на раздумье - и его раздавило бы, как муравья.

Конан прислонился к стене. Где-то там, по ту сторону металлической двери, находится плененная Мьюрела… если она до сих пор жива. Но дверь ему не взломать, а если по-прежнему торчать в коридоре, то на голову может свалиться другой блок, и кто знает, может быть, в следующий раз он будет менее удачлив. Если он превратится в кровавую лепешку, девчонке это вряд ли поможет. Ясно одно: в этом направлении продолжать поиски бесмыслено. Лучше не лезть на рожон, а отыскать окольную лазейку, которая вывела бы его к цели.

Огорченно вздохнув, он заспешил в лестнице. Впереди забрезжил свет. Но только он поставил ногу на нижнюю ступеньку, как свет начал меркнуть и мраморная дверь с шумом захлопнулась. По коридору прокатилось гулкое

эхо, затем все смолкло.

Что-то весьма похожее на страх охватило варвара: наглухо запертый в этом черном туннеле, отрезанный от мира, что он мог сделать? Стоя на ступеньках с мечом в руке, он пронзал свирепым взглядом тьму коридора, готовый, если потребуется, дать отпор любым силам - неважно, земные они или потусторонние. Но внизу, во мраке туннеля, все было спокойно: ни звука, ни движения. Быть может, люди по ту сторону двери - если это действительно люди - поверили, что его раздавил каменный блок, выпавший из потолка не без помощи какого-нибудь хитрого механизма?

Но почему тогда закрылась дверь в комнату прорицательницы? Отбросив бесплодные раздумья, Конан начал ощупью пробираться вверх по ступеням; по коже поползли мурашки, с каждый шагом он ожидал получить удар ножом в спину и все эти бесконечные минуты жаждал одного: утопить своей полустрах, полупредчувствие в яростном: беспощадном кровопролитии.

Поднявшись, Конан попробовал сдвинуть плиту - бесполезно. Оставалась последняя надежда - разрубить плиту. И тут, замахиваясь мечом, он левой рукой задел засов - похоже, когда дверь закрылась, тот сам вошел в паз. Киммериец вмиг отодвинул засов, и от первого же толчка дверь приоткрылась. Он вихрем ворвался в комнату; глаза - в узкие щелки, изо рта - звериное рычание: сама свирепость, кровожадность жажда мести. Но схватки с коварным врагом не получилось: комната была пуста.

Кинжал, оставленный им в щели между плитами, пропал. Пьедестал опустел - Елайя снова исчезла.

– Великий Кром! - пробормотал киммериец. - Неужто она и вправду живая?

Он вышел в тронный зал, потоптался там немного и вдруг, пронзенный внезапной мыслью, быстро прошел за троном и заглянул в альков. На гладком мраморе - там, где он бросил бесчувственное тело Гварунги, виднелись следы крови - и все! Сам чернокожий исчез таким же таинственным образом, как и Елайя.

4. "Зубы Гвалура"

На короткое время разум Конана-киммерийца захлестнула слепая ярость: выручить Мьюрелу оказалось не менее сложным делом, чем овладеть "Зубами Гвалура". В голове вертелась одна мысль: не упустить жрецов. Быть может, непроглядный туман проясниться у тайника с сокровищами, и там он получит подсказку, где следует искать девушку? Правда, надежда была невелика, но все же это лучше, чем бессмысленное блуждание по дворцу без определенной цели.

Конан крадучись шел по широкому, в черных проемах коридору, ведущему к портику, каждый миг ожидая, что затаившиеся по сторонам и за его спиной тени вдруг оживут клыками и когтями - острыми, как стальные клинки. Но ничто, кроме частых ударов его сердца, не нарушало ночной тишины, когда, настороженный, слегка пригнувшись, он появился у входа во дворец на вершине мраморной, в пятнах лунного света лестницы.

Варвар сбежал по широким ступеням, внизу внимательно огляделся: он искал знак, который указал бы ему верное направление. И такой знак нашелся - несколько лепестков упали на газон там, где оружие или свободные одежды прошлись по усыпанной цветами ветке. Трава в том месте была примята чьими-то тяжелыми шагами. Для Конана, который в родных горах охотился по слежу за волками, не составило особого труда пройти по следу кешанских жрецов.

След вел от дворца: сквозь густые заросли необычных растений - их крупные цветы в мерцающих бледных лепестках источали экзотический, терпкий аромат; сквозь тускло зеленеющие кусты, от малейшего прикосновения просыпавшихся градом цветов; сквозь узкие заросшие аллеи, пока наконец не вышел к громадной скале, точно замок великана выступавшей из кольцевой гряды в том месте, где та ближе всего подходила ко дворцу, почти невидимому за высокими деревьями и сплетениями лиан. Похоже, тот болтливый жрец все-таки ошибся, утверждая, будто "Зубы Гвалура" спрятаны во дворце. Правда, след уводил его все дальше от Мьюрелы, но с каждый шагом в варваре крепла уверенность, что из дворца во все концы долины протянуты подземные туннели.

Неслышно пробираясь по темно-фиолетовой тени разросшегося кустарника, Конан тщательно обследовал выдававшуюся поверхность скалы, дерзко обнаженную в ярком лунном свете. Склон, круто уходивший вверх, покрывали странные, высеченные в камне изображения уродливых мужчин и женщин, животных и каких-то людей, во многом схожих со зверями, - очевидно, богов или демонов. Манера исполнения, разительно отличавшаяся от всего, что он здесь успел повидать, наводила на мысль, что художник принадлежал к иной эпохе, к иной расе, исчезнувшей за многие столетия до того, как в долину пришел народ, отстроивший Алкменон, и искусство которой, шагнув через тысячелетия, осталось на этих стенах осколками давно забытого прошлого.

Среди ползучих растений в скале зиял большой темный провал - открытая дверь; там же в скале была высечена голова дракона, так что дверной проем являл собой разинутую пасть чудовища. Сама дверь,

отлитая из бронзы, весила несколько тонн. Он не заметил никаких замков, однако по краю массивного портала с внутренней стороны виднелись несколько засовов - как видно, дверь открывалась и закрывалась с помощью особого механизма, секрет которого - он в этом ни на миг не ошибался - знали одни кешанские жрецы.

След показывал, что Горулга с младшими жрецами прошел в эту дверь. Тем не менее, Конан колебался. Дожидаться их здесь? Но что, если дверь закроется перед его носом, а он не сможет найти способа, как ее открыть? С другой стороны, если последовать за ними, жрецы могут оказаться у входа раньше него и закроют его в этой пещере.

В конце концов, отбросив опасение, он проскользнул под большим порталом в пещеру. Где-то здесь, под мрачными каменными сводами, находятся сейчас жрецы, "Зубы Гвалура", а может быть, и ключ к спасению Мьюрелы. Соображения о личной безопасности еще ни разу не смоги удержать варвара от разумного риска.

Лунный свет, падая в открытую дверь, освещал несколько ярдов туннеля. Впереди себя Конан увидел слабые отблески пламени, эхо доносило оттуда обрывки заунывного песнопения. Жрецы ушли не так далеко, как он предполагал. Еще до того, как он вступил во тьму, узкий туннель расширился и превратился в правильной формы пещеру - не очень большую, но с высоким овальным сводом, инструктированным фосфоресцирующими кристаллами, как Конан уже догадался - довольно распространенный способ освещения для архитектуры этого уголка света. Людей в ней не было. В призрачном полумраке киммериец различил изваяние отвратительного, сидящего на корточках полузверя-получеловека, а также черные пасти шести-семи коридоров, выходящих их пещеры. Один из них находился как раз за спиной скрюченной каменной фигуры; само изваяние своими жуткими круглыми глазами смотрело прямо на входящего. В глубине коридора плясали отблески огня. "Наверняка от факелов", - подумал он, - ведь свет от кристаллов был ровным". Доносившееся оттуда пение постепенно набирало силу.

Медленно, крадучись, он миновал пещеру, коридор и очутился у входа в новую пещеру - гораздо больше первой. В ней не было фосфоресцирующих кристаллов, но факелы в руках жрецов давали достаточно света. В центре пещеры помещался массивный алтарь, а за ним - невыразимо мерзкий, вызывающий дрожь ужаса, стоял на четвереньках, точно жаба прильнув к полу, еще один идол. Перед отвратительным божеством стояли на коленях Горулга и десять младших жрецов; распевая тягучими голосами, они били лбами о каменный пол. Конан понял, почему

процессия продвигалась так медленно: очевидно, прежде чем приблизиться к тайнику с "Зубами", необходимо было тщательно соблюсти длинный, утомительный ритуал.

Весь в нетерпении, он возбужденно переминался с ноги на ногу, но наконец поклоны и пение прекратились и, поднявшись с колен, жрецы прошли в коридор, открывавшийся в пещеру за свирепым идолом. Покачиваясь, факелы поплыли под каменными сводами, Конан - легко и бесшумно - за ними. Опасности быть обнаруженным - почти никакой. В тени он невидим, он точно порождение ночи, к тому же жрецы без остатка отдались своим ритуальным забавам. Похоже, они даже не заметили отсутствия Гварунги.

Процессия вошла в третью по счету пещеру - уже совершенно невероятных размеров; ее отлогие стены обегали ряды уступов-галерей. Обряд поклонения возобновился. На этот раз он совершался перед огромным алтарем в честь божества внешне настолько ужасающего и омерзительного, что в сравнении с этим прочие два показались киммерийцу фантазией невинного ребенка.

Конан затаился в черной пасти туннеля, пристальным взглядом обегая стены, на которых плясали огненные блики. Он увидел вырубленную в камне лестницу - ее ступени вели от уступа к уступу; свод пещеры терялся во мраке.

Внезапно по телу варвара волной пробежала дрожь, пение оборвалось, глаза коленопреклоненных разом оторвались от пола, взгляды устремились вверх. Где-то высоко над их головами под невидимым сводом прокатился мощный нечеловеческий голос. Не поднимаясь, жрецы застыли, на их обращенные вверх лица упал зловещий голубоватый свет, вдруг вспыхнувший на неимоверной высоте у самого свода и с каждым мигом разгоравшийся пульсирующим огнем. Вот свет залил очередную галерею - и из груди верховного жреца вырвался крик, тут же подхваченный срывающимися голосами его спутников. Там, высоко над их головами, яркая вспышка высветила хрупкую белую фигурку - от ее шелковых одежд и золотых с вкраплениями бриллиантов украшений исходило неземное сияние. Постепенно сильный свет начал гаснуть, пока не превратился в слабое то нарастающее, то вновь ослабевающее свечение; предметы потеряли четкость, и от видения на галерее осталось неясное, бледное пятно.

– Елайя!!! - пронзительно вскрикнул Горулга; его обычно смуглую кожу покрыл пепельно-серый оттенок. - За что ты нас преследуешь? Разве мы не покорны твоей воле?

Отраженный от свода, многократно усиленный и искаженный до неузнаваемости, по галереям скатился зловещий, как из потустороннего мира, голос:

– Горе неверным! Горе продажным детям Кешии! Проклятие на головы тех, кто изменяет своему божеству!

Вопль ужаса взметнулся над кучкой жрецов. Чуть поодаль в свете пылающих факелов стоял Горулга - неподвижный, словно вытянувший шею гриф.

– Я не понимаю! - запинаясь, наконец выдавил он. - Там, в комнате, ты нам сказала…

– Забудь все, что слышал в комнате! - вновь скатился сверху ужасный голос - такой мощный, что казалось, мириады глоток разом кричат, бормочут, шепчут в унисон одни слова. - Берегись ложных пророков и ложных богов! Демон в обличии богини говорил с тобой во дворце, его слова - ложь! А сейчас слушай и повинуйся, ибо я - настоящая богиня и я даю тебе только одну возможность избежать проклятия!

Возьми из тайника "Зубы Гвалура", все до последнего! Алкменон более не обитель богов: оскверненный дыханием язычников, он утратил былую святость. Отдай "Зубы Гвалура" стигийцу Татмекри, и пусть тот отнесет их в святилище Дагона и Деркето. Только так можно спасти Кешан от страшных бедствий, уготованных ему демонами Тьмы. Повелеваю тебе: возьми "Зубы Гвалура", немедленно возвращайся в Кешию, там передай сокровища Татмекри, потом отдай приказ схватить чужака Конана и на площади содрать с него живого кожу!

Никто и не подумал усомниться. Стуча зубами от страха, жрецы кое-как поднялись с колен и нестройной толпой, спотыкаясь на каждом шагу, побежали к открытой двери по ту сторону отвратительного идола. Впереди всех бежал Горулга. Вопя и размахивая факелами так, что пламя лизало черные спины, группа жрецов протиснулась в дверь, и скоро торопливое шарканье их босых ног замерло в отдалении.

Конан остался. Его вдруг охватило непреодолимое желание докопаться до сути загадочных явлений, свидетелем которых он стал. Была ли то сама Елайя, как подсказывала ему его природа варвара, - недаром же при звуках этого голоса тыльную часть ладоней покрыл холодный пот! Или это опять проделки Мьюрелы, переметнувшейся на сторону врага? А что, если…

Не успел в черном туннеле погаснуть последний отблеск факела, как Конан рванулся вверх по каменной лестнице. Голубоватое свечение быстро тает, но еще можно различить стоящую на уступе бледно-матовую фигуру. Вот он ступает на галерею. У человека перехватывает дыхание, леденеет

кровь в жилах, но он не колеблется ни секунды. Шаг вперед, другой, третий… Весь комок нервов и мускулов, киммериец медленно приближается к богине, и вот он рядом - словно бог Смерти возвышается с занесенным мечом над загадочной неподвижной фигурой.

– Елайя! - прорычал он. - Ха! Мертва, как и всю тысячу лет!

В темном провале коридора за его спиной обозначилась неясная тень. Но чуткий слух киммерийца вовремя уловил внезапный частый топот босых ног. Он повернулся и - гибкий, точно кошка, - увернулся от нацеленного в спину смертельного удара. И только мерцающая в черной руке сталь просвистела мимо его уха, как Конан с яростью разбуженного питона сделал выпад - и его клинок, пронзив убийцу насквозь, вышел у того между лопаток на полтора фута.

– Так-то! - Конан выдернул меч, жертва - разинув рот, захлебываясь кровью, - повалилась на пол. Человек дернулся пару раз и затих. В гаснущем свете Конан увидел эбеновое тело, черное лицо, застывшие черты которого в голубоватых сумерках казались особенно зловещими: он только что убил Гварунгу.

С трупа Конан перевел взгляд на богиню. На уровне груди и колен ее мертвое тело оплетали ремни, накрепко связавшие ее с каменным столбом за спиной, а черные волосы, схваченные за столбом узлом, придавали голове горделивую посадку. Достаточно было отойти на несколько ярдов - и в сумеречном свете тонкие путы терялись из виду.

– Похоже, он пришел в себя, когда я спустился в туннель, - пробормотал Конан. - Наверное, догадался, что я там, потому и вытащил из щели нож, отчего закрылась дверь. - Нагнувшись, он выдернул из коченеющих пальцев внешне похожее оружие, мельком осмотрел и, удовлетворенно хмыкнув, сунул на место - себе за пояс. - Потом забрал Елайю, чтобы с помощью ее трупа одурачить своих братьев по вере. Он-то и прокричал им "волю богов". В пещере с таким эхом мудрено узнать знакомый голос. А что касается таинственного голубого пламени, то где-то я уже видел такой фокус. Известные шуточки стигийских жрецов. Должно быть, Татмекри одолжил Гварунге своего огненного зелья.

Гварунга легко мог добраться сюда задолго до своих собратьев. Очевидно, по слухам или благодаря картам, переходившим в среде жрецов из поколения в поколение, он был неплохо осведомлен о расположении пещер и переходов. Скорее всего, вместе с телом Елайи он вошел в первую пещеру вслед за остальными, а потом окружным путем, через вырубленные в чреве скалы коридоры и комнаты, пробрался со своей ношей на галерею. Времени у него было предостаточно: Горулга с подопечными подолгу

топтались в каждой пещере, творя свой бесконечный ритуал.

Сумерки сгустились еще больше, и в наступившем мраке проступил другой источник слабого сияния: входной проем одного из выходивших на эту галерею коридоров. Где-то в его глубине находилось скопление фосфоресцирующих кристаллов - Конан узнал их бледное ровное свечение. Коридор уходил в том же направлении, в котором скрылись жрецы, и он решил пойти этим путем вместо того, чтобы спускаться во тьму, заполнившую громадную пещеру. Он был уверен, что рано или поздно тот выведет его на другую галерею в другой пещере или комнате, куда - кто знает? - быть может, и направляются жрецы. Киммериец вошел в узкий туннель. По мере продвижения вперед сияние усиливалось, он уже различал стены, пол и потолок. Где-то впереди, точно со дна колодца, вновь послышалось пение служителей Елайи.

Внезапно, очерченный ярким свечением, в левой стене показался проем, и до ушей варвара донеслись приглушенные рыдания. Он круто остановился и заглянул туда.

Его глазам открылась пещера - в отличие от прочих, созданных природой, эта была вырублена в монолитной скале руками человека. С куполообразного свода падал ровный белый свет, стены - почти невидимы под густой вязью арабесков все из того же утомляющего глаз золота.

У дальней стены на гранитном троне, навечно обратя взор к входящему под сводчатый портал, сидел чудовищный, отвратительный до тошноты Птеор, бог пелиштов, отлитый из бронзы, с неестественно большими членами, он словно олицетворял собой все уродство самого культа. А у его ног на каменных плитах распростерлась хрупкая полуобнаженная фигурка.

– Ну и дела, будь я проклят! - пробормотал Конан, пораженный. Окинув подозрительным взглядом комнату и не заметив ни других ходов, ни признаков чьего-либо присутствия, он, бесшумно ступая, приблизился к девушке. Ее нежные узкие плечи вздрагивали от безысходного плача, лицо было спрятано в ладонях, длинные волосы растрепались. От толстых золотых колец на лодыжках идола к браслетам на запястьях девушки сбегали две золотые цепочки. Киммериец положил руку на обнаженное плечо - Мьюрела, вздрогнула, закричала и повернула к нему перекошенное, все в слезах лицо.

– Конан! - Она рванулась к варвару в попытке обнять его, прижаться к этой сильной надежной груди, но ее удержали цепочки.

Он разрубил мягкий металл, выбрав звенья поближе к запястьям, проворчал:

– Придется тебе походить с браслетами, пока я не раздобуду зубило или напильник. Да отлепись ты от меня! Очень уж ты чувствительно для гордой богини. Ну выкладывай, что с тобой стряслось.

– Когда я снова вошла в комнату прорицательницы, - заговорила девушка, едва сдерживая слезы, - я увидела, что богиня, совсем как в тот, первый, раз лежит на пьедестале. Я крикнула и побежала к двери, но вдруг что-то обхватило меня со спины. Рот зажала волосатая рука, в стене открылся ход, и меня потащили сначала по ступенькам и дальше - по темному коридору. Я ничего не видела, пока меня не протащили мимо металлической двери и я не очутилась в коридоре с потолком, усеянном светящимися камнями, совсем как здесь.

О, я чуть было не упала в обморок, когда их увидела! Настоящие нелюди! Серые, сплошь заросшие волосами, ходят, как мы, а говорят на какой-то дикой тарабарщине - ни один нормальный человек не разберет! Там они остановились, точно поджидая кого-то, вдруг слышу - на дверь с той стороны будто кто-то налег плечом. Тогда одна тварь потянула вниз рычаг в стене, и что-то там с оглушительным грохотом рухнуло.

Потом меня понесли по извилистым коридорам, вверх по каменной лестнице, пока наконец не втащили в эту комнату, и здесь приковали к своему ужасному идолу. До сих пор не могу опомниться. Кто они, ты не знаешь?

– Слуги Бит-Якина, - буркнул киммериец. - Ко мне попал один манускрипт, и кое-что я в нем разобрал, ну а когда наткнулся на настенные фрески, то понял и остальное. Бит-Якин был из пелиштов, он вместе со своими слугами пришел в долину уже после того, как ее оставили алкменонцы. Здесь он нашел мертвое тело принцессы Елацйи и обнаружил, что кешанские жрецы регулярно навещают ее, чтобы сделать подношения: видимо, уже тогда ее почитали как богиню.

Он сделал из нее прорицательницы и сам от имени богини вещал жрецам из ниши, которую устроил в стене за ее пьедесталом из слоновой кости. Жрецы не подозревали об обмане: они никогда не видели ни самого пелишта, ни его слуг, поскольку те всегда успевали заблаговременно укрыться. Бит-Якин здесь жил, здесь он и умер, а чернокожие так ничего и не узнали. Один Кром ведает, сколько времени он пробыл в этих стенах, но думаю, не меньше нескольких столетий. Мудрецы-пелишты знают секрет, как растягивать срок жизни на века. Я сам видел кое-кого из них. Почему он навсегда остался в этой долине - один, лишь в окружении слуг, и почему взял на себя роль прорицателя - простому человеку не понять. Я полагаю, он затеял это для того, чтобы, объявив город святым местом, уберечь его от

заселения другими народами, а в конечном счете - уберечь свой покой. Сам Бит-Якин питался подношениями жрецов, которые хотели умилостивить свою богиню и не скупились на дары, а его слуги перебивались как могли. В Пантийских горах есть озеро, куда тамошние племена бросают своих мертвецов, а из озера вытекает подземная река. Так вот: эта река протекает как раз под дворцом. У них там проложены вдоль стен галереи и сделаны лестницы к воде - с них-то они и вылавливают проплывающие мимо трупы. Бит-Якин все записал в свой манускрипт и наглядно изобразил с помощью настенных фресок.

Но в конце концов он умер, и слуги, следуя предсмертной воле хозяина, забальзамировали тело и оставили в пещере в скалах. Об остальном нетрудно догадаться. Слуги, которым наверняка также известен секрет долголетия, остались здесь: и когда верховный жрец в очередной раз пришел к богине за пророчеством, то некому было удержать их в узде, и жреца просто разорвали на куски. С тех пор, вплоть до паломничества Горулги, никто не осмеливался приходить к прорицательнице.

Очевидно, слуги время от времени обновляли одежду и украшения богини, как это делал их хозяин. Где-то во дворце должна быть комната, которая запирается наглухо, и там, при соблюдении некоторых условий, можно уберечь шелк от порчи. Это слуги, обнаружив пропажу богини, нашли ее, одели и вернули на место… Да, совсем забыл: они отрезали Зархебе голову и подвесили ее за волосы среди лотосовых деревьев.

Девушка вздрогнула всем телом, и вместе с тем у нее вырвался вздох облегчения:

– Больше он не будет бить меня плетью!

– На этом свете - пожалуй, что да, - согласился Конан.

– Но пойдем дальше. Заставив богиню вновь заговорить, Гварунга опрокинул все мои расчеты. И сейчас мне остается одно: следить за жрецами и, дождавшись, когда они завладеют сокровищами, отобрать у них камни. И вот еще что: впредь держись рядом. Не могу же я вечно разыскивать тебя в этом дворце!

– А как же слуги Бит-Якина? - прошептала она со страхом.

– Все равно надо попытаться. Не знаю, что там у них на уме, но пока они не выказывали намерения драться в открытую. Пошли.

Варвар взял девушку за руку, и вдвоем они вышли из комнаты. По мере продвижения по коридору пение жрецов усиливалось, вместе с ним нарастал другой звук - низкий, угрюмый шум водного потока. Наконец они вышли на галерею, протянувшуюся почти под самым сводом большой пещеры. Затаив дыхание, оба осторожно выглянули из-за края уступа на

разыгравшуюся глубоко под ними зловещую и фантастическую сцену.

Прямо над их головами мерцали фосфоресцирующие огоньки, в сотне футов внизу раскинулся гладко отполированный пол пещеры. У дальней стены пол обрывался в глубокий, ревущий поток, зажатый в скалистые берега. Вся в бурунах и пене, вода неслась из непроницаемого мрака, разрезала пещеру и снова исчезала в темноте. Водовороты и валы, отражая льющийся со сводчатого потолка свет, словно в россыпях драгоценных камней, как живые, мерцали холодно-голубым, полыхали огненно-красным и переливались всеми оттенками зеленого.

Конан и его спутница стояли на одном из уступов, который короткой галереей протянулся по самому верху стены у основания свода; отсюда, к небольшому уступу в стене, вставшей по ту сторону кипящего потока, на головокружительной высоте через всю пещеру взметнулся легкий арочный мостик - ажурное творение природы. Десятью футами ниже стены пещеры соединяла другая, более широкая арка. С каждой стороны оба основания пролетов соединяли вырубленные в скале ступени.

Взгляд Конана, следует изгибу мостика от уступа, на котором он стоял, вдруг уловил мерцание, не похожее на зловещий бледный свет от камней в потолке пещеры. На узкой площадке напротив монолитную стену нарушала брешь, сквозь которую в пещеру заглядывали звезды.

Но он лишь отметил про себя эту деталь - и тут же сосредоточил все внимание на людях внизу. Жрецы пришли к цели своего паломничества. Там, в овальном углу пещеры, стоял высеченный из камня алтарь - на этот раз без посаженного сверху идола. Находилось ли какое-нибудь изваяние за алтарем, Конан утверждать не мог: благодаря изгибу стены или игре света весь угол был погружен во мрак.

Жрецы воткнули факелы в отверстия в каменном полу, и перед алтарем на расстоянии нескольких ярдов образовался правильный огненный полукруг. Жрецы встали полумесяцем внутри освещенного полукруга, а Горулга, воздев к своду руки, пробормотал невнятные заклинания. Затем, склонившись над алтарем, он опустил на него открытые ладони. Край каменного блока начал приподниматься, точно крышка сундука, пока не встал на обращенную к углу плоскость, открыв под собой маленький тайник.

Протянув в углубление длинную руку, Горулга извлек оттуда небольшую медную шкатулку. Вернув алтарь на место, верховный жрец установил на него шкатулку и откинул крышку. Людям на верхней галерее, впившимся жадными глазами в тусклую медь, вдруг показалось, что от его легкого движения из шкатулки во все стороны хлынули струи живого огня,

- дрожа и пульсируя, он окружил алтарь сверкающим ореолом. Сердце варвара бешено заколотило, рука сжала рукоять меча. Наконец-то! Вот они - "Зубы Гвалура"! Сокровище, владелец которого станет самым богатым человеком на земле! Дыхание с шумом прорывалось сквозь его крепко стиснутые зубы.

Внезапно он насторожился: что-то случилось с пламенем факелов и с призрачным мерцанием фосфоресцирующих камней - их свет бледнел, еще немного - и он погаснут вовсе! Отовсюду к алтарю подкрадывалась тьма, и только там, вокруг шкатулки, все усиливалось зловещее сияние "Зубов Гвалура". Чернокожие застыли, обратившись в базальтовые статуи; их неподвижные тела отбрасывали длинные уродливые тени.

Вот сияние камней залило алтарь сверху донизу, в нем резко выделялось окаменевшее от изумления лицо Горулги. И вдруг затаившаяся тьма за алтарем стала рассеиваться, и медленно, вместе с вползающим в угол светом, там проступили неясные, точно возникшие из тишины и ночи, фигуры.

На первый взгляд, серые каменные статуи - неподвижные, волосатые, похожие на человека, но вызывающие лишь отвращение и страх. Однако это были не статуи: груди медленно вздымались и опадали, в живых глазах мерцали искорки холодного огня. Вот сполохи зловещего сияния высветили звериные лица; тут же Горулга издал дикий вопль и, в ужасе вскинув длинные руки, подался назад.

Но над алтарем метнулась чья-то еще более длинная уродливая рука, и узловатые пальцы сомкнулись вокруг его горла. Упиравшегося, не перестававшего кричать верховного жреца протащили поверх алтаря, на его голову железным молотом обрушился огромный кулак - и крики оборвались. Тело - обмякшее, безвольное - распростерлось на каменной плите, из размноженного черепа медленно вытекал мозг. Вдруг будто между Тьмой и Сетом прорвало плотину - то слуги Бит-Якина ринулись на пораженных ужасом черных жрецов.

И разразилась бойня - кровавая и беспощадная.

С галерее казалось, что черные ела набиты соломой, - с такой легкостью швыряли их убийцы, против нечеловеческой мощи и проворства которых кинжалы и мечи жрецов были бессильны. Конан увидел, как чернокожие взлетали в воздух, как от удара об алтарь раскалывались черепа. Он увидел, как одно из чудовищ, зажав в руке пылающий факел, запихнуло горящий конец в глотку жреца, пока тот, отчаянно извивался, тщетно пытался высвободиться, стиснутый лапами другого. Он видел, как человека, точно цыпленка, разорвали надвое и как швырнули обе части

тела через всю пещеру. Избиение - стремительное и ужасное - прокатилось по рядам жрецов, подобно урагану. Один кровавый яростный всплеск - и он угас; и лишь один несчастный, чудом избежавший лап чудовищ, с отчаянным воплем бросился по коридору, которым процессия пришла в пещеру. Следом за ним - забрызганные красным, с протянутыми к жертве окровавленными руками - устремились все порождения Ужаса и Тьмы. Беглец с преследователями пропали в черной пасти туннеля, несколько раз оттуда донеслись слабеющие вопли - и наступила тишина.

Мьюрела едва не лишилась чувств - сжавшись в комочек и обхватив руками ноги Конана, она уткнулась лицом в его колени, крепко зажмурив глаза. Ее дрожащая фигурка выражала неподдельный ужас. Варвар, напротив, был полон энергии. Быстрый взгляд на брешь с мерцающими звездами, потом взгляд вниз - туда, где на забрызганном кровью алтаре все еще излучала сияние открытая шкатулка, - и он наметил план, как можно с честью и с поживой окончить это рискованное предприятие.

– Я спущусь за шкатулкой, - отрывисто сказал он. - Жди меня здесь!

– Во имя Митры - не уходи! - В новом приступе страха она повалилась на пол и вцепилась в его сандалии. - Не уходи! Не оставляй меня одну!

– Лежи тихо и не вздумай разевать рот! - отрезал он и резким движением высвободил ноги.

Спускаться по ступеням не было времени. Не думая об опасности сломать себе шею, киммериец стал прыгать с уступа на уступ. Вот его ноги коснулись основания пещеры - вокруг все тихо. Вставленные в отверстия в полу несколько факелов по-прежнему горели желтым пламенем; со свода падал ровный бледный свет кристаллов; а волны реки - все в разноцветных блестках - словно переговаривались между собой на незнакомом языке. Загадочное сияние - предвестник появления слуг Бит-Якина - с их исчезновением померкло. И только камни в медной шкатулке переливались зловещим ярким светом.

Обеими руками Конан схватил шкатулку, одним жадным взглядом окинув ее содержимое, - необычной формы камни, горящие холодным неземным огнем. Варвар захлопнул крышку и, прижав добычу к груди, бросился к каменной лестнице - у него не было ни малейшего желания встречаться с волосатыми слугами Бит-Якина. Он достаточно на них насмотрелся, чтобы сделать заключение об этих тварях как о воинах. Одно непонятно: почему они ждали так долго, прежде чем нанесли по незванным гостям свой сокрушительный удар? Конан отбросил эту мысль: что он - здесь ни один мудрец не разгадает, что движет этими чудовищами. Они на деле показали, что они ровня людям и по уму и по сноровке. К тому же там,

на каменном полу пещеры, лежат изуродованные и окровавленные свидетельства их звериной ярости.

Он застал коринфийскую танцовщицу в том же положении, как и оставил - дрожащую и на коленях. Схватив девушку за руку, он рывком поставил ее на ноги.

– Пожалуй, самое время незаметно удалиться.

Парализованная ужасом, не сознавая, что вокруг происходит, Мьюрела покорно ступила за ним на ажурный мостик. И только когда прямо под ними забурлил поток, она, вдруг посмотрев вниз, испуганно вскрикнула и, если бы не Конан, непременно сорвалась бы в пропасть. Он успел свободной рукой обхватить талию девушки и, взяв ее под мышку, потащил безвольное, слабо шевелящееся тело к бреши на другом конце мостика. Не задерживаясь для того, чтобы поставить девушку на ноги, он быстро пошел коротким туннелем, в который открывался проем в стене. Еще немного - и оба оказались на узком уступе с наружной стороны скал, опоясавших долину. Менее чем в ста футах под ними в неверном свете звезд катились волны джунглей.

Конан посмотрел вниз - и не мог сдержать шумного вздоха облегчения. Киммериец не сомневался, что даже вместе с ношей из камней и девушки он без особого труда справился со спуском; а вот подняться в этом месте, пусть одному, навряд ли удалось бы. Он поставил шкатулку - всю в пятнах крови и в ошметках мозгов верховного жреца - и уже приготовился расстегнуть пояс, чтобы привязать к спине драгоценную добычу, как вдруг застыл, сраженный шорохом - зловещим и таким знакомым, - донесшимся из глубины скалы.

– Будь здесь! - отрывисто бросил он испуганной коринфийке. - Не двигайся! - И, вытащив меч, варвар скользнул обратно в туннель. У проема он осторожно заглянул в пещеру.

На середине верхнего мостика он увидел безобразную серую фигуру. Один из слуг Бит-Якина напал на его след. Сомнений нет: тварь видела их и теперь преследует. Драться у входа в коридор, конечно, выгодно, но дело надо кончить быстро, до того, как подоспеют остальные слуги.

Киммериец вышел на карниз, ступил на мостик. Перед ним - ни обезьяна, ни человек. Согнувшись, волоча ноги, к нему приближался сам Ужас - порождение таинственных безымянных джунглей, раскинувшихся на юге, где в ядовитых испарениях кишела неведомая жизнь, куда не проникла цивилизация, и где в деревянных храмах в честь кровожадных идолов били огромные барабаны. Как древнему пелишту удалось подчинить их своей воле да еще прожить столько времени отрезанным от

остального мира - то была загадка из загадок. Впрочем, даже располагай он такой возможностью, варвар не стал бы ломать голову над поиском решения.

Человек и чудовище! Они сошлись на гребне арочного мостика, под которым на глубине ста футов несла бешеные воды черная река. И как только тварь нависла над ним своей серой, точно в проказе обсыпанной белесыми чешуйками тушей, Конан нанес удар, какой наносит раненный тигр - внезапный и стремительный, вложив в него всю силу и всю ярость варвара. Обычного человека такой удар разрубил бы надвое, но кости слуги Бит-Якина были словно из закаленной стали. И все-таки даже закаленная сталь имеет предел прочности. Ребра не выдержали, и из огромной раны заструилась кровь.

Для второго удара не осталось времени. Прежде чем киммериец успел вновь замахнуться или отскочить назад, огромная рука смахнула его вниз с такой же легкостью, с какой щелчком сбивают со стены муху. Он полетел в поток, и шум воды зазвучал в его ушах похоронным звоном; но через несколько футов его отчаянно извивающееся тело ударилось поперек арки нижнего моста. Там оно задержалось на мгновение, покачиваясь, словно в нерешительности, но пальцы левой руки уже вцепились в арочный срез, еще немного - и, подтянувшись, он выбрался на мост, как и всегда, сжимая в правой верный меч.

Вскочив на ноги, он тут же взглянул верх - истекая кровью, чудовище мчалось к узкому козырьку с явным намерением, спустившись по лестнице, соединяющий обе арки, возобновить схватку. У самого уступа тварь вдруг остановилась, поворотив голову в сторону, и Конан с ужасом увидел, что привлекло ее внимание: там, у входа в туннель, со шкатулкой в руках стояла Мьюрела, глаза девушки были широко раскрыты, тело била крупная дрожь.

С победным ревом чудовище одной лапой сгребло девушку под мышку, другой подхватило оброненную ею в страхе шкатулку и, повернувшись, неуклюже затопало обратно к мостику. Крепко выругавшись, Конан заспешил на другую сторону нижнего моста. Мозг занимала одна мысль: во что бы то ни стало догнать тварь до того: как та успеет раствориться в лабиринте переходов, изрезавших чрево скалы.

Но постепенно движения чудовища стали замедляться, словно у механической игрушки, у которой кончается завод. Кровь ручьями текла из широкой раны на груди; зверь, точно пьяный, покачивался из стороны в сторону. Вот он запнулся, начал заваливаться набок и вдруг, сорвавшись, полетел вниз головой. Девушка, шкатулка с драгоценностями выпали из

онемевших рук, и в воздухе, перекрывая рычание потока, раздался душераздирающий вопль Мьюрелы.

Туша падающего зверя едва не сбила Конана с моста. Задев ногами каменную арку, чудовище рухнуло в поток; но девушка, ударившись о камень, каким-то чудом сумела зацепиться за край, шкатулка упала на срез арки футах в пяти от нее. Конан оказался между ними: с одной стороны - девушка, с другой - сокровище. Оба - на расстоянии вытянутой руки, и лишь доля секунды на раздумье: шкатулка опасно раскачивается на самом краю, а Мьюрела висит уже на одной руке, ее лицо со страстной мольбой обращено к нему, глаза - расширены в предчувствии близкой смерти, рот - приоткрыт в немом отчаянном крике.

Конан не колебался, он даже не взглянул на шкатулку, таившую в себе богатства целой эпохи. Со стремительностью, превосходившей бег голодного гепарда, он бросился на камни и в тот миг, когда ослабевшие пальцы соскользнули с гладкого камня, успел схватить девушку за руку. Затем одним мощным рывком поставил ее на ноги. Шкатулка, потеряв равновесие, перевалилась через край и, пролетев девяносто футов, с негромким всплеском вошла в воду, где незадолго до нее скрылся слуга Бит-Якина. Клочок пены, брызги и пузыри отметили то место, где навсегда от людских глаз скрылись "Зубы Гвалура".

На сожаления не было времени. Подхватив девушку, словно маленького ребенка, Конан дикой кошкой метнулся через мост и дальше - вверх по вырубленным в скале ступеням. Он уже достиг верхней арки, как вдруг низкое завывание его посмотреть вниз. Из коридорного проема недалеко от алтаря в пещеру волной выкатывались слуги Бит-Якина - с оскаленных клыков каплями стекала кровь. Изрыгая злобное рычание, они ринулись вверх по лестнице, петлявшей от галереи к галерее; но Конан, не слишком церемонясь, перекинул девушку через плечо и, единым духом промчавшись по туннелю, выбежал на козырек, нависший над джунглями. С отчаянным безрассудством, сам точно обезьяна, он заскользил вниз, каким-то чутьем варвара отыскивая опоры и зацепки и ежесекундно рискуя оборваться. Но когда в бреши показались искаженные злобой и яростью морды преследователей, киммериец и девушка уже скрылись в лесу, плотной стеной подступавшей к скалам.

– Ну вот, - сказал Конан, опуская девушка на ноги под надежным зеленым покровом, - теперь можно и отдохнуть. Вряд ли эти твари осмелятся выбраться из своей долины. В любом случае меня здесь возле озерка дожидается славный конь, если, конечно, его еще не сожрали львы… Да чтоб тебе прогневить Крома! Сейчас-то ты о чем ревешь?

Мьюрела прижала к заплаканному лицу ладони, ее плечи сотрясали рыдания.

– Ты потерял свои сокровища, - сквозь всхлипывания донеслось из-под ладоней. - И все из-за меня. Если бы я послушалась тебя и дожидалась на уступе, как ты мне сказал, тот зверь ни за что бы меня не увидел. Лучше бы ты спас сокровища, а не меня!

– Что ж, может быть, так было бы и лучше, - согласился он. - Ну да ладно, забудем. Все, что прошло, не стоит сожалений. И, будь добра, прекрати ты свой рев!… Вот так-то лучше. А теперь идем!

– Так ты меня не бросишь? Ты возьмешь меня с собой? - с надеждой в голосе проговорила девушка.

– А что, по-твоему, мне еще остается? - Усмехнувшись, он одобрительным взглядом прошелся по ее ладной фигурке, надолго задержавшись на том месте, где порванная юбка открывала соблазнительную линию бедра цвета слоновой кости.

– Ты мне понадобишься для представлений. Возвращаться в Кешию нам не имеет смысла: там уже делать нечего. Мы отправимся в Пунт. Народ Пунта поклоняется какой-то богине, выточенной из слоновой кости, и на всем протяжении реки моет для нее золото. Я им скажу, что Татмекри подговаривает кешинцев напасть на них и сделать всех своими рабами - что, кстати, чистая правда - и что боги послали меня с целью их защитить… скажем, в обмен на хижину, набитую золотом. А если мне удастся незаметно протащить тебя в храм и подменить тобой их слоновокостную богиню, то не пройдет и месяца, как мы разденем их до последней нитки!